

Елена Крадожён-Мазурова

**«Обкукуется кукушка
наши радости считать...»**

Москва 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6+83.3(2=411.2)6
К 78

Крадожён-Мазурова Е.М.

К 78 «Обкукуется кукушка наши радости считать...». – М.: Издательство «Спутник +», 2021.
– 133 с.

ISBN 978-5-9973-5831-0

Новая книга – это всегда «итоги и тревоги» автора. Найдёт ли отклик у современников? Нужно ли было? И рождение книги – радость, потому что ты хотел сказать – и вот сказалось. Не причисляю себя к «сказителям», хотя что-то в этой небольшой книге отразит излом тысячелетий и веков. Кто-то на страницах книги узнает себя, своих друзей или родителей. В качестве названия книги взяла строчку Игоря Царёва – поэта рубежа веков, современного, дорогого мне, близкого по духу и ещё до конца не открытого нами. Одно из капитанов поэзии XXI века. В книге содержатся зарисовки «о времени и о себе», о дорогих мне людях и событиях, с которыми столкнула меня судьба. Почти всё в этой книге – о дальневосточниках, моё признание в любви людям моей малой родины.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6+83.3(2=411.2)6

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5831-0 © Крадожён-Мазурова Е.М., 2021

Предисловие

Елена Михайловна Крадожён-Мазурова — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС); консультант научно-методического совета Гильдии в регионах России (с 2013г); область специализации: стилистика, лексикология современного русского языка; филологический анализ текста; прикладная лингвистика с присвоением права самостоятельного производства экспертизы по специальности «Судебная лингвистическая экспертиза»; аттестованный эксперт ЕГЭ по русскому языку.

Е.М.Крадожен-Мазурова лауреат премии Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства в номинации «Литература» за книгу «Избранные статьи» (2020).

Елена Михайловна два десятилетия работает в жюри региональных Олимпиад

школьников по русскому языку и литературных конкурсов, в том числе международных; руководитель регионального отделения Русского литературного клуба в ДФО, автор литературоведческих работ, стихотворений, малой прозы, лауреат литературных конкурсов, в том числе конкурса премии имени Петра Комарова (2015-2016), лауреат Творческого конкурса имени Петра Комарова литературных произведений, опубликованных в изданиях, выпускаемых краевыми государственными учреждениями культуры Хабаровского края в номинации «Специальная премия» (2018); победитель Международного конкурса «Педагогических идей» 2016г.; лауреат премии Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства в номинации «Литература» за книгу «Избранные статьи» (2020).

Публиковалась в периодических изданиях: газетах «Тихоокеанская звезда», «Молодой Дальневосточник», «Комсомольская правда», «Советский учитель», журналах «Русская речь», «Дальний Восток», «Словесница искусств», «Аргументы времени», «Сетевая словесность».

Е. М. Крадожён-Мазурова – активный организатор и участник различных литературных площадок города Хабаровска.

Она не только вносит творческий вклад в деятельность литературных сообществ города, но и работает в редком ныне жанре литературной критики, проводит анализ произведений российских писателей и поэтов. Обладая ораторскими способностями, запасом научных и практических знаний в области филологии и живого слова, она стала специалистом в сфере литературной работы, снискала авторитет среди литераторов города, края, Дальнего Востока.

Елена Михайловна проводит важную работу в творческой студенческой среде, приобщая молодое поколение дальневосточников к классическим канонам российской литературы. Она в числе организаторов и устроителей таких крупных мероприятий, как «Хабаровские Царёвские чтения. Царёв. Хабаровск. Россия», «Вечера Есенинской поэзии», «Дальневосточная поэзия».

Е.Крадожён-Мазурова действующий педагог, методист-филолог, лектор-русовед, контактирует с членами РО РСП по Хабаровскому краю, участвует в становлении их творчества, оказывая методическую помощь и поддержку.

Раздел 1 Воспоминания и история

Бабушка

Очерк

Моя бабушка – Мария Андреевна Решетникова, в девичестве – Озолина, родилась в 1903 году в Риге. Латышка. Её мать – Анна Фридриховна, отец – Андрей Янович.

Бабушку я помню с трёх лет: она приехала с Украины к нам, в Хабаровск, «почти на край земли», после смерти дедушки, которого я знаю только по фотографиям. Бабушка хранила их в древнем коричневом фибровом чемодане со стальными уголками и двумя блестящими замочками. К замочкам был маленький ключик на тоненькой верёвочке.

Приехала к нам бабушка из Кременчуга – старинного города на Полтавщине, основанного в конце XVI века, а в XVII веке ставшего крепостью. В этом городе на Днепре лечился после ранения Суворов. Во время Великой Отечественной войны город был разрушен – в детстве я видела остатки старого разбомблённого и взорванного моста через Днепр. В этом тёплом городе после войны

поселились дедушка с бабушкой и младшим сыном.

...Но война была уже в прошлом. Летом в городе цвели розы и акация, у домов росла шелковица и щедро осыпалась фиолетовыми кляксами на мощёные, как Красная площадь, улицы. Каждое лето мы с бабушкой приезжали туда и сушили на крыше яблоки, вишню и абрикосы на железных противнях. Бабушка ловко забиралась по приставной деревянной шаткой лестнице на крышу одноэтажного дома и потряхивала «сушку на компот», прикрытую марлей. Мне выковыривание косточек из вишни и лущение абрикосов казалось «нудятиной», но бабушка говорила: «Какой компот мы зимой маме с папой сварим». Родителей я любила и ради них терпела «компотные мучения».

Дедушка, Решетников Михаил Захарович, похоронен на старом кременчугском погосте. Там же теперь покоятся и два его сына: старший, Владимир, прошедший финскую и Великую Отечественную, мастер горячего цеха легендарного КрАЗа, и младший, Александр, военное детство которого пришлось на эвакуацию, машинист электровоза. Третий сын, Николай, после войны ещё долго служил в лётной части в Монголии и навсегда остался в небольшом украинском городке Овруч, история которого насчитывает второе тысячелетие.

Бабушка теперь очень далеко от них, на центральном кладбище Хабаровска. Весной и 1 сентября, в день её рождения, мы с мамой приходим к ней. Она оставила после смерти мужа троих сыновей на Украине и приехала к единственной дочке на Дальний Восток.

Вера Михайловна Крадожен (в девичестве Решетникова) – моя мама, дочь Марии Андреевны и Михаила Захаровича

С тех пор я не представляла себе жизни без бабушки. Я сразу стала называть её на «Вы». У бабушки были длинные тёмные косы ниже пояса, которые она утром заплетала в коридоре и укладывала вокруг головы «короной». Дом, где мы жили, стоит в самом центре Хабаровска. Когда-то был он ведомственным. Соседи – офицеры МВД. Большинство их жён не работало, были они домохозяйками. После обеда выходили по «чёрной» (есть и парадная) лестнице во двор, сидели на лавочках возле клумб, вязали на спицах, присматривали за детьми и внуками, за бельём, которое сушилось во дворе на верёвках, подпёртых палками с рогульками наверху. Папа утром уходил на службу, мама тоже работала.

Бабушка, приготовив обед, садилась у окна – летом открытого – и читала книгу.

Одевалась бабушка скромно, но элегантно: в моём детстве зимой на ней было строгое тёмно-синее платье из шерстяной ткани с воротником-шалькой и тремя очень красивыми переливающимися иссиня в фиолетовый овальными пуговицами, которые я мечтала заполучить. Украшений не носила: во время войны лишилась дорогих, а бижутерию не считала нужным надевать. Никогда она не сидела на лавочке. А через год к ней пришёл свататься ...вдовый Герой Советского Союза. Где уж он её высмотрел? Мне было очень смешно: бабушке шёл 59-й год и она казалась мне безнадёжно старой. Бабушка Герою отказала – двор её бурно обсуждал и... осуждал. У вдовца была отдельная квартира, а у нас – большая комната и соседи: офицерская семья с двумя детьми.

С книгами бабушка не расставалась до 87 лет – до конца жизни. Те, что привезла с собой, были необычными: в них я видела буквы, которых уже не было. Я-то буквы различала: они светились вечером на вывесках магазинов, на красных матерчатых плакатах в детском саду. А у бабушки были и другие! И в этом была какая-то тайна. Бабушка загадочные книги читала и иногда промокала глаза платочком.

Пенсия её была невелика, но каждый месяц она покупала новые книги. Часто они были с чернильным штампом на задней корке – букинистические, то есть со скидкой. Бабушка читала быстро. А для меня – вслух на ночь – «Доктора Айболита» в прозе, «Конька-горбунка», «Путешествия Лемюэля Гулливера», «Старика Хоттабыча», «Вечера на хуторе близ Диканьки», библиотеку приключений: «Оцеола – вождь семинолов», «Лунный камень» и долгие восточные волшебные сказки...

Когда я болела простудой, мама лепила мне на спину злые горчичники и показывала стрелку часов: нужно было мучиться 15 минут. Спину жгло. Бабушка почему-то «под горчичники» читала мне «Робинзона Крузо». В книге были картинки – графика. Самые страшные – где дикари собираются жарить на высоком костре пленников. Я представляла мучения жертв, как свои, и мне было себя «ещё жальче».

Любимым развлечением обитателей нашей квартиры до появления телевизора были диафильмы. У нас был отличный фильмоскоп в тяжёлом хромированном чёрном корпусе – папа всегда любил первоклассную технику. После ужина обе семьи (наша и соседская) собирались на восемнадцатиметровой кухне, папа устанавливал прибор, выключал свет, вставлял

плёнку, наводил резкость на белёной стене, и мы смотрели фильмы. Бабушка сидела на табуретке и очень чётко и выразительно читала текст. Сегодня бы сказали: «делала озвучку». Остальные устраивались кто как: на полу на вышитых крестиком подушках-думках с дивана, на низеньких скамеечках. Любимыми у соседского мальчика Коли были «Чапаев», «Тимур и его команда» и «Волочаевские дни» (в нескольких частях), у девочек – «Старик Хоттабыч», «Хечо-лентяй», «Буратино», «Чиполлино» и другие сказки. Засиживались допоздна, пока папа не объявлял, что аппарат перегрелся и плёнка пересохнет, если не остановиться.

В пять лет я уже сама бегло читала «толстые» книги (спасибо бабушке!). А бабушка отдалась своей страсти – ждала «Роман-газеты» и журналы: папа всегда много периодики выписывал. В шесть лет я пошла в школу.

Моя бабушка – Мария Андреевна Решетникова, в девичестве – Озолина, родилась в 1903 году в Риге. Латышка. Её мать – Анна Фридриховна, отец – Андрей Янович. Трёх лет от роду бабушка наполовину осиротела: её мать и моя прабабушка Анна умерла в родах. Отец оставил двух девочек постарше себе, а младшую, Марию, Машеньку, отправил на

воспитание к своим бездетным родственникам в ...Иркутск. У дяди и тёти была аптека. Они растили Машеньку как дочь. Отдали в гимназию. Бабушка успела её окончить к началу революции в Сибири. Бабушка говорила по-французски и по-немецки, любила Ги де Мопассана, Виктора Гюго и Эмиля Золя. С удовольствием перечитывала А. Дюма: «Граф Монте Кристо».

А ещё бабушка вязала крючком прекрасное кружево из тончайшей белой нитки: девушек в гимназии приучали украшать дом — вышивка гладью, вязание кружева — салфеточки, воротнички, манжеты для платья. Всем этим были украшены мои платья и школьная форма, а я хотела капроновые воротнички, «как у всех». Бабушка ухитрялась и большие кружевные скатерти вывязывать на наш круглый деревянный стол на толстой точёной ножке с четырьмя «лапками», которую искусно сделал по папиному заказу столяр-краснодеревщик. Одну скатерть она подарила в конце 80-х учредителю японского этнографического музея на острове Хоккайдо профессору Накамуре, который изучал родство айнов и нанайцев и во время экспедиций по Амуру бывал у нас в гостях. Он внимательно слушал бабушкины рассказы, рассматривал её работы. Восхищался, хвалил... Тогда бабушка и

отдала ему кружевную скатерть и свой тяжёлый старинный дорожный утюжок для кружева, в который закладывали угли, чтобы разогреть рабочую поверхность. Когда я уже после смерти бабушки побывала на Хоккайдо, Накамура-сан пригласил меня в музей и показал витрину, в которой выставлены наши семейные реликвии. А вечером после ужина он почему-то сыграл на фортепиано «Интернационал». Такая вот народная дипломатия.

Бабушка не кормила семью на кухне: ни когда мы жили с соседями, ни когда папа получил отдельную трёхкомнатную квартиру, и у нас стало просторно. Она красиво накрывала стол в зале. Суп подавала в супнице. Для меня это было обыденностью, но, когда в юности я однажды после тренировки в бассейне СКА пригласила знакомого пообедать у нас, и бабушка внесла в зал и поставила на сервированный стол супницу, он удивился. Десятилетия спустя, став солидным чиновником, он при встречах рассказывал, как был потрясён, когда бабушка «с причёской» (косу, тогда уже одну, она укладывала, красиво закрепляя шпильками) вплыла в строгом платье с супницей. Говорил: «Решил, что у меня в семье будет так же: жена будет детей приучать к порядку и супницу на стол – обязательно!»

...По воскресеньям бабушка варила настоящий кофе в высоком коричневом кофейнике. Кофе продавался на втором этаже, в кондитерском отделе «старого гастронома», бывшего магазина немецкого товарищества Кунст и Альберс, открытого гамбургскими купцами в Хабаровске в 1895 году. Коричневые, как бабушкин кофейник, зёрна были в стеклянных высоких конусах, сужающихся книзу. Оттуда кофе насыпали в бумажные пакеты-фунтики, которые ловко скручивали из листа бумаги продавщицы в белоснежных халатах и шапочках. Тут же можно было кофе молоть. Папа покупал сорт «мокко» – 100 граммов, сразу молот. Никогда не брал впрок. К кофе бабушка пекла булочки с корицей, рогалики, пирожки. Одноклассники очень любили ходить ко мне в гости: бабушка всех усаживала за большой стол, угощала чаем с вареньем, и пирогами, и печеньем. Из сибирских зимних традиций у бабушки сохранилась привычка печь сладкие пироги и булочки помногу, укладывать их, когда остынут, на льняные салфетки в новое эмалированное ведро, накрывать его крышкой и выставлять на балкон на мороз. Когда бы ни пришли зимой гости, бабушку врасплох застать было нельзя: пока чайник закипал, она уже выпечку с мороза заносила и грела.

На мой день рождения в январе, сразу после каникул, собирался весь класс: 30 человек. Папа приносил из сарая во дворе сборный стол, доски, которые бабушка оборачивала покрывалами – делала скамейки. Места хватало всем. На стол подавали домашние пельмени, холодец, салаты, фирменный зимний пирог с красной рыбой и капустой, голубцы в сметане, сладкие пироги со смородиной и вишней, желе из смородинового сока в больших глубоких противнях. Принимать гостей в семье любили и умели. Из родительской спальни выносили разобранные кровати на лестничную площадку в подъезд. В пустой комнате зажигали неяркий торшер, и мы танцевали под пластинки, а позже – под магнитофон. Бабушка заглядывала, спрашивала, кто хочет чаю. Вела с собой к самовару тех, кто не танцевал, о чём-то с ними говорила – умела «занять гостей».

Мне казалось, что все бабушки такие, как моя. Годы спустя я понимаю, что рядом скромно жил необыкновенный человек с удивительной судьбой.

В 16 лет её, романтическую гимназистку, выдали замуж «за взрослого мужчину»: деду было 26 лет. Он был сибиряком, имел образование и замечательный «бисерный» почерк, служил где-то. На старом фото он в

высокой шапке «пирожком» и пальто с бобровым воротником. Марусю выдали замуж в 1919 году, чтобы спасти от революции: дядя и тётя – владельцы аптеки в Иркутске – шансов уцелеть не имели. Потом была японская интервенция. Бабушка вспоминала, что японцев впервые увидела зимой и очень удивилась: они были в шапках-треухах и ...наносниках! Сибирский климат требовал особой экипировки для сохранности носов японских солдат, выросших в субтропиках. Сначала это веселило жителей, но скоро стало не до веселья: на улицах стреляли, были убитые и раненые. Погибла юная бабушкина одноклассница, по фамилии Вишневская.

В замужестве бабушка родила деду трёх сыновей и мечтала о девочке. Дочь назвали Верой. Это моя мама. Бабушка серьёзно мне объясняла, что всегда верила в рождение девочки, поэтому дочь – Вера. Свекровь была акушеркой, невестку недолюбливала: хотела женить сына на крепкой девушке из сибирской деревни, работнице, а тут – иркутская гимназистка с кружевами.

Дед характер имел вспыльчивый, подолгу нигде не задерживался, семья кочевала за ним от Иркутска до Западной Украины, а потом – до Подмосковья. Во время войны старшие – Володя и Николай – ушли на фронт, вестей от

них не было. Дед тоже служил где-то писарем при штабе по возрасту и здоровью. Бабушка с младшими оказалась в эвакуации в Кировской области. Голодали. Сдала фамильные серьги с изумрудами – приданое от матери, выданное отцом при расставании, а получила какие-то продукты. Сделала это, чтобы детей не потерять. Пока ездила в город – дом обокрали, унесли самовар и валенки, ещё какой-то нехитрый скарб. Дети-заморыши зимой пошли по домам «христарadniчать» в лаптях и обмотках с сумой-побирушкой через плечо. Мама до сих пор плачет, вспоминая это время: они, замёрзшие и голодные, с младшим братом шли по деревням, стучались в окна, просили: «Подайте, люди добрые, Христа ради». Где-то двери открывали, давали корочку или сухарик, а в иных домах говорили: «Ступайте мимо. Бог подаст».

Бабушка устроилась санитаркой в тыловой госпиталь, стала получать паёк, который делила на троих. А по вечерам... читала при коптилке детям книги: «Старик Хоттабыч», «Униженные и оскорблённые». Война войной, а книги – книгами.

В 16 лет я окончила школу и поступила на филологический факультет. Большая часть обязательной программы филфака была мною освоена в дошкольные и школьные годы

благодаря бабушке и нашей домашней библиотеке. А вот моим однокурсникам с моей бабушкой повезло: пока я бегала на тренировки, они приезжали к бабушке, она их поила чаем с пирогами и... пересказывала сюжеты обязательной программы, особенно по зарубежной литературе!

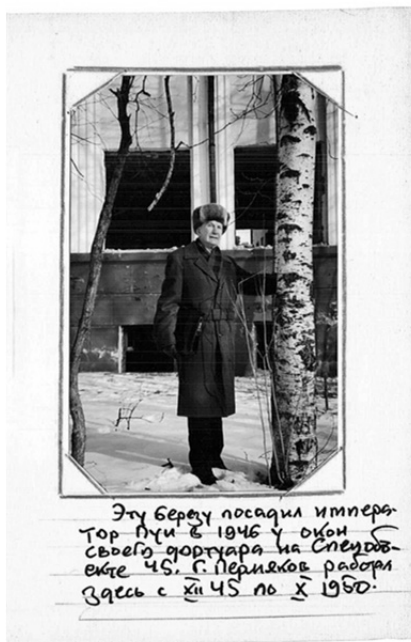
Бабушка дождалась меня из аспирантуры, поздравила с защитой кандидатской диссертации, ждала правнука. А когда сын родился, и жизнь моя висела на волоске, она тихо, как и жила, ушла, освободив место новой жизни. Так бывает.

...Сыну и дочери я вечерами читала «Доктора Айболита» в прозе, «Путешествия Лемюэля Гуливера», «Старика Хоттабыча» и «Алису в стране чудес». К «бабушкиным» книгам для домашнего чтения я добавила «Мастера и Маргариту». Ни сын, ни дочка никогда не перепутают Коровьева с Азазелло. Бабушка Мария, я думаю, была бы довольна. У сына второе высшее образование — филологическое: он хороший переводчик японского языка.

Жизнь продолжается.

Мой Георгий Пермяков

Георгий Георгиевич Пермяков (24 ноября (7 декабря) 1917 — 9 декабря 2005) — русский советский прозаик, краевед, востоковед (синолог), переводчик с китайского и японского языков, переводчик последнего китайского императора Пу И (находившегося в советском плену с 1945 по 1950 годы) (Материал из Википедии — свободной энциклопедии)

Мемуары

— Лена-сан, а Миша Крадажён Вам кем приходится?....Да? ...Тогда Вы можете звать меня дядя Гоша, или дядя Жора!

Забегая вперёд, скажу, что никогда за всё время знакомства с Георгием Георгиевичем Пермяковым я не назвала его ни дядей Гошей, ни дядей Жорой.

Я начала заниматься японским языком по вечерам в хабаровской школе №62 у Георгия Георгиевича Пермякова. Было это в 1992 году. После работы – лекции и семинары на филфаке Пединститута – тащила из садика полуторагодовалого сына к родителям, пила скоренько растворимый кофе (бр-р-р! – сейчас бы таким и кружку не марала) и бежала на уроки Пермякова.

Пришла из любопытства – услышала от студентов-японистов об оригинальном преподавателе. Пришла, попросила разрешения присутствовать. Свободное место, как водится, было за первой партой. После второго занятия поняла, что не уйду. С Георгием Георгиевичем было интересно и ...весело. В 90-е это было удивительно.

Группа собралась разновозрастная: и школьники, и студенты, и взрослые. Георгий Георгиевич Пермяков поразил меня необычной методикой проведения занятий. Он всегда говорил о том, что сегодня случилось, со ссылкой на источник – центральную газету (прототип школьной политинформации, если кто-то ещё помнит, что это такое) и что было в день с такой же датой, допустим, в 1938 году.

Мы непременно занимались каллиграфией, и Георгий Георгиевич, прямо как школьный учитель, собирал наши

двенадцатилистовые тетради с домашними заданиями, написанными особым пером чёрной тушью, и честно проверял и выдавал с отметками на следующем занятии. По первому высшему образованию я учитель русского языка и литературы, поэтому что такое «проверка тетрадей» знала не понаслышке. И за это ещё больше уважала Учителя. Тетрадей должно было быть две: №1 и №2. Тонкие, чтобы Учитель уносил их домой в портфеле. Портфель был обязательным аксессуаром: в нём на занятия прибывали не только тетради, но и распечатки материалов. Печатал Пермяков всегда сам, дома, на печатной машинке, потом выдавал ксерокопии каждому.

Георгий Георгиевич разучивал с нами японские анекдоты, сказки. Он был убеждён: язык нужно знать в книжной письменной и устной разговорной форме. Бытовая речь сказок и анекдотов с начинкой из фразеологизмов запоминалась лучше, чем материал учебников.

Вся группа усваивала и сдавала 200 «ключей» — базовых иероглифов. Сдавали их «десятками» и «двадцатками». Георгий Георгиевич сам был личностью творческой и приветствовал творческий подход к учёбе: он очень хвалил на наших занятиях Гошу Бурлова (Егора), который для запоминания ключей писал двуступишия и четверостишия. Сегодня

Егор Бурлов – известный успешный дипломированный переводчик.

Помню, Пермяков и свои мнемонические стихи нам читал, когда рисовал иероглифы на доске: «Три тюка товара/ Привезли с базара». Объяснял принципы запоминания сложных иностранных слов. Сам Георгий Георгиевич был полиглотом: активно пользовался японским, китайским, в том числе знал архаичное письмо, умел читать старинные иероглифы. Преподавал в мединституте латынь, писал по-английски.

Больше всего в его занятиях мне нравилась страноведческая составляющая. Георгий Георгиевич рассказывал о нравах и жизни Японии и Китая с такими мельчайшими бытовыми подробностями, о которых не прочесть в литературе. Энциклопедией этих стран была сама жизнь Георгия Пермякова, полная тайн и приключений.

Судьба распорядилась, чтобы мальчик, родившийся в ноябре 1917 года в хорошей семье в Никольск-Уссурийске, малышом оказался в Китае, вырос там и получил образование. Пережил вторжение японцев в Китай, начал работать в советском консульстве, вошёл в Штаб обороны Харбина, в 1945 вернулся в Советский Союз, стал переводчиком

Георгий Пермяков.
Мост в императорской деревне в Тоски

Георгий Пермяков. Семья

Георгий Пермяков. Барбос убит. Круглый красный мундир, вышитый золотой вышивкой. Углы вышиты разноцветной фольгой

Георгий Георгиевич ПЕРМЯКОВ
(1917–2005) –
русский, советский прозаик,
краевед, переводчик с китай-
ского и японского языков.
Автор многочисленных газет-
ных и журнальных статей. Под
псевдонимом Георгий Палин
он написал приключенческие повести с элементами
научной фантастики: «Синий баргузин» (1957), «Ирра-
ционал» (1958–1960), «Стрелы империал» (1963).

Исследователь географии В.К. Арсеньев. В 1965 году
Хабаровский краевой краеведческий выставочный
центр «Тропой юннатов» рассказов и очерков
о В. К. Арсеньеве.

Г.Г. Пермяков написал немало рассказов и очерков
о природе и истории Дальнего Востока, часть из кото-
рых вошла в сборник «Пиррова камени» (1974).

Незадолго до смерти опубликовал свои мемуары
«Император Пунг. Пять лет ввештен и документальное
поисков о разработке японцами во время Второй
мировой войны биотермического оружия» – Ю-
ридзе 731».

Слева направо: В.А. Гусев, Г.Г. Пермяков, Г.Г. Пермяков, Г.Г. Пермяков, Г.Г. Пермяков.
Пермяков Георгий Георгиевич. Пиррова камени. Углы вышиты разноцветной фольгой

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ
ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА
ПЕРМЯКОВА

2014 год в России объявлен
Годом культуры

Пять лет
с императором
Пунг

КОЛЛЕКЦИЯ РИСУНКОВ
из архива переводчика и востоковеда
Георгия Георгиевича
ПЕРМЯКОВА

АРТ-ПОДВАЛЬНИК
с 6 октября 2014

23

Разговаривать с ним было захватывающе-интересно.

Человек чрезвычайно дисциплинированный, Георгий Георгиевич придерживался строгого распорядка в жизни, был исключительно пунктуален и работоспособен. Он призывал нас, своих учеников, вести дневник, потому что это элемент самодисциплины. Помню, кто-то в группе спросил: «А о чём писать, если каждый день одно и то же?». Георгий Георгиевич ответил: «Открывай дневник, записывай вверху страницы дату и какая в этот день погода, какая температура воздуха. Когда-нибудь это станет кусочком истории».

Три тайны последнего императора Китая Пу И

*Узел памяти трёх народов завязался на
российском Дальнем Востоке.
историческое исследование*

Его полное имя Айсін Герó (Айсингёро) Пу И. Он – герой новейшей истории. Истории, которая еще недописана, в которой немало тайн и загадок. Ключ к ней спрятан в сегодняшнем Хабаровске

Мы попробуем раскрыть три тайны Пу И – одного из главных свидетелей не начатой японцами бактериологической войны XX века.

Первая тайна – тайна имени. Речь пойдёт о последнем императоре Китая из династии Цин. В Китае даже в 20-м веке имя правящего императора было запрещено называть. Нарушителя ждала реальная китайская тюрьма.

Его полное имя Айсін Герó (Айсингёро) Пу И. Он – герой новейшей истории. Истории, которая еще недописана, в которой немало тайн и загадок. Ключ к ней спрятан в сегодняшнем Хабаровске.

Вторая тайна – и второй вопрос истории: императором какого государства был Айсингёро Пу И? Кажется, ясно: раз говорим о китайском императоре, то и государство – Китай! Но в истории не все так просто: Айсингёро Пу И действительно был номинальным правителем Китая, когда взошел на трон – 2-х лет от роду. А когда «повзрослел» и ему исполнилось 4 года, от его имени отреклись от престола. При этом он продолжал проживать в Запретном городе (Гу Гун) в императорском дворце, на его содержание отпускались средства.

Изображение императора Пу И на медали

Детективная линия жизни Пу И закручивается в 1931 году: японцы создают марионеточное государство Маньчжоу-го, им нужен номинальный правитель. Они похищают Пу И, в багажнике спортивного автомобиля вывозят в оккупированную часть Маньчжурии – город Чанчунь. Айсингёро Пу И с 1932г. – Верховный правитель, а с 1934 по 19 августа

1945г. – император марионеточного государства Маньчжоу-го, которое существовало с 1 марта 1932 года по 19 августа 1945 года.

К Верховному правителю Пу И на долгие годы были приставлены японские «советники»: генерал Ёсиока Ясунори 吉岡 安直, лейб-советник императора; военный советник Акияма Ёситака 秋山義隆 и генерал Хасимото Тораносукэ 橋本虎之助, президент палаты религиозных обрядов Маньчжоу-Го.

В 1950 году Пу И, несмотря на его нежелание, был передан китайскому правительству. Ему «прописали» трудовое исправление. В 1959 «господину Пу» объявили амнистию, он стал садовником в дворцовом саду. Умер 17-го октября 1967 года. Эта весьма насыщенная история жизни Айсингёро Пу И неплохо изучена и даже экранизирована итальянским кинорежиссером Бернардо Бертолуччи в фильме «Последний император» (анг. *The Last Emperor*).

Третья тайна: куда «исчезли» 5 лет жизни императора: с 1945 по 1950 год. Где находился император все эти годы, что с ним в это время происходило?

Сейчас мы допишем недостающие сцены. 19 августа 1945 года на территории Маньчжурии в аэропорту города Мукдена десантники Красной Армии захватили в плен

императора Айсингёро Герó Пу И. 19 августа 1945 года государство Маньчжоу-го прекратило существование. Через 3 недели капитуляцией Японии закончилась Вторая мировая война. Однако тайная история императора Пу И продолжалась. Он был в обстановке полной секретности доставлен военным бортом под Хабаровск и позже содержался на «спецобъекте 20-45» в 1945-1950гг. вместе с братом Айсін Герó (Айсингёро) Пу Цзе и Джунчи Гопло (Гопло Жунь Ци) (1912-2007) – братом жены императора.

Разумеется, информация об этом периоде жизни императора была недоступна иностранцам. Она – в архивах военных ведомств и в личном архиве переводчика Георгия Пермякова, который все пять лет был рядом с императором и написал книгу «Император Пу И: пять лет вместе». Текст опубликован в тихоокеанском альманахе «Рубеж» в 2003 году во Владивостоке.

Пу И был засекреченным особым свидетелем при подготовке к процессам над японскими военными. Он свидетельствовал о наличии у Японии бактериологического оружия и опытах над людьми. Речь шла об отряде 731 (близ Харбина) и отряде 100 Квантунской армии.

За императором «охотились» разведки нескольких государств, а он проживал на «спецобъекте 20-45», где служил мой отец – Михаил Крадажен, боевой офицер, получивший тяжелое ранение на Курской дуге и направленный после года госпиталей на Дальний Восток. Добавка «20» перед номером спецобъекта означала, что его контролирует лично И.В. Сталин. Руководил объединенным лагерем японских военнопленных, в который входил и «спецобъект 20-45» в Хабаровске, Леонид Дворецкий. Переводы осуществляли несколько военных переводчиков. За императором Пу И был закреплен Георгий Пермяков. Пермяков был направлен в Хабаровск из Харбина. Причина – в 20-е годы, проживая в Китае, будущий переводчик однажды повстречался с Пу И. Эта давняя встреча в Тяньцзине, о которой напомнил Пермяков, помогла установить доверительный контакт с важным свидетелем накануне сложных судебных процессов.

Разумеется, пять лет жизни на «спецобъекте 20-45» были заполнены не только подготовкой к судебным слушаниям. Император Пу И, его окружение были людьми хорошо образованными и не праздными.

Хабаровский книгоиздатель Виктор Буря пишет: «Члены семьи императора Пу И с

радостью откликнулись на предложение Г.Г.Пермякова сделать иллюстрированный словарь Китая. В этом коллективном труде, продолжавшемся пять лет, нашел отражение громадный культурный пласт – национальные китайские традиции, обряды, обычаи... Джунчи Гопло, брат жены императора Пу И, был прекрасным художником. По просьбе Г.Г.Пермякова он сделал массу бытовых зарисовок из китайской жизни, сопроводив их надписями о том, какое впечатление они произвели на императора». (Виктор Буря. Хабаровск, 8 октября 2014 года).

В Государственном архиве Хабаровского края хранятся письма Г. Пермякова (ГАХК фонд Р22- 04), материалы об императоре Пу И.

Изображение императора Пу И
на почтовой марке 1935 года

Под Хабаровском, на территории туристического комплекса «Заимка» (ранее – дача командующего военным округом) расположен один из «объектов», где бывал император. Место, полезное для

образовательного туризма: там расположился музей императора Пу И.

Однако путешественнику-историку будет небезынтересно узнать, что это не основное пристанище опального императора.

На особой исторической карте Хабаровска отмечен «спецобъект 20-45», расположенный в самом центре города, рядом с мэрией, за углом Педагогического института, на ул. Дикопольцева, 34. Ранее адрес этот значился как «ул. Саперная, 27». После войны улица была переименована в честь Героя Советского Союза Евгения Дикопольцева, который учился в Пединституте и ушел отсюда на фронт. Сегодня в здании бывшего «спецобъекта 20-45» обосновалась городская поликлиника №3.

Вот и раскрыты 3 тайны императора Пу И. А при чём тут ежегодные поездки японцев в августе на хабаровское кладбище?

Август для японцев – это О-бон, посвященный памяти умерших. (День поминовения усопших). О-бон отмечается в течение нескольких дней, обычно в середине августа. Священное время, когда японцы берут отпуска и едут на родные могилы. На центральном кладбище Хабаровска в «японском секторе», который семьдесят лет назад назывался: «захоронение лагерных отделений №1, №20 и №21 спецобъекта №45», спят

вечным сном 2 «советника императора Пу И» и другие японцы, умершие в Хабаровске.

Хасимото Тораносукэ – разведчик, специалист по СССР, начштаба Квантунской армии, начальник кэмпэйтэй (военной полиции Императорской армии Японии до 1945 г.) Маньчжоу-Го, министр-жрец – умер в Хабаровске 25 января 1952 года. Здесь же могила генерал-лейтенанта Акияма Ёситака. Дата смерти: 29 марта 1946 года. Причина: самоубийство.

Император Пу И
на Токийском
процессе.
За его спиной –
переводчик
Георгий Пермяков

Сложный узел истории Китая, Японии и России завязан на Дальнем Востоке. Мы попытались развязать его. История продолжается. Ждём открытия военных архивов к юбилею Хабаровского процесса.

Кинжал и кортик

...мой отец, гвардии лейтенант Крадажон Михаил Иванович, воевал на Центральном фронте, был на Курской дуге, потом – на 1-м Белорусском фронте. Был тяжело ранен в 1943 году.

Каждый год, сколько себя помню, накануне 9 мая и 7 ноября папа готовил «парадную амуницию»: в специальную прямоугольную пластмассовую пластинку с прорезями и маленькими круглыми отверстиями продевал за «шейку» медали и чистил зубным порошком. Это приспособление нужно было, чтобы сберечь ткань крепления награды, не запачкать. Медали были жёлтые и белые, был ещё орден «Красной Звезды» и знак «Гвардия». Процедура повторялась дважды в год, я ждала этого чуда: потемневшие медали начинали сиять, «улыбались» в ожидании праздника... Пока папа служил и носил форму, он ещё и пуговицы на кителе чистил, а когда ушёл в отставку, только награды.

Папа всегда готовился к празднику не торопясь, с вечера накануне, и в это время лицо у него было сосредоточенным, но если начать расспрашивать, мог и рассказать, какая награда за что.

Я знала, что мой отец, гвардии лейтенант Крадажон (Крадажен – как только не переименовывали нашу фамилию) Михаил Иванович, воевал на Центральном фронте, был на Курской дуге, потом – на 1-м Белорусском фронте. Был тяжело ранен в 1943 году. В справке о ранении чётко, без эмоций написано: «гвардии лейтенант Крадажон; войсковая часть и адрес – 118сп; возраст – 1923г.; партийность – кандидат в члены ВКП(б); образование – 8 классов; ранен пулей в правый плечевой сустав; П/п. взаимопомощь». А потом – год госпиталей...

За сухими строчками справки военного архива – целая жизнь, которая изменилась в тот день, когда фашистская пуля вошла в тело моего двадцатилетнего отца... Но и до отцовства ему в 1943г. ещё не близко. И до воспоминаний о том, как с однополчанами в разведке сидел под водой, дышал через соломинку, как в мокрой шинели в белорусских болотах думал о том, что вернётся в большую казачью семью, обнимет своих стариков, младших братьев, сестёр Ниночку и Любочку...

Так всё и вышло. Только с того самого дня, который был отмечен короткой записью «П/п. взаимопомощь», всю жизнь вспоминал он ещё одного человека – своего ординарца, старого солдата. Это он вынес гвардии лейтенанта, своего командира, а попросту – «сынка» из пекла того боя в далёком 43-м. А если бы не это – не было бы ни меня, ни этого моего рассказа о давнем...

А при чём тут кинжал и кортик спросите вы? Да при том, что вместе с медалями и форменными пуговицами чистил папа всегда перед праздниками свой офицерский кортик и старый кинжал.

Кортик был блестящий, щеголеватый, с пятиконечной звездой и Спасской кремлёвской башней на ножнах, с гербом Советского Союза сверху рукояти. На ножнах были два кольца, за которые кортик крепился к портупее. На клинке, сверху, чуть ниже рукояти, выбит длинный номер. Папа надевал кортик к парадной форме, и я очень гордилась. В нашем ведомственном доме почти у всех отцы ходили в форме, но мне казалось, что на моём папе она сидит особенно молодцевато: он ходил очень прямо, легко. Сказывалась любовь к танцам – танцор он был отменный. Словом, кортик и папа очень подходили друг к другу и к форме. Вместе они смотрелись безукоризненно.

...А кинжал был неказистый, к форме его надеть было нельзя, я это с детства понимала. И ножны были поцарапанные, а шишечка внизу ножен и вовсе помятая. Кольцо на ножнах было одно, и в него продета грязная верёвочка, завязанная на узел. И вместо чёткого ряда цифр, как на кортике, были непонятные цифры на ножнах: 1914/20/3. Цифры эти скрывали какую-то тайну...

Кортик был, как породистая овчарка, – такой Мухтар из художественного фильма с Юрием Никулиным «Ко мне, Мухтар!». А кинжал был похож на дворняжку. Я даже как-то стеснялась, когда папа его доставал и чистил вместе с понятными мне прекрасными наградами. А он бережно протирает фланелью старые ножны с корявой деревянной вкладкой, поглаживал рукой и укладывал до следующего «смотра».

Как-то я не выдержала и спросила, зачем ему эта ерунда? Папа помолчал, а потом сказал, что это – его талисман. Тот старый солдат, ординарец, прошедший не одну войну, солдат, что вынес «сынка»-командира с поля боя, отдал ему, истекающему кровью, на удачу свой талисман – кинжал, спасавший его не раз ещё в Первую мировую...

Много потом у папы было ратных дел, была служба в МВД, преподавательская работа

в Школе милиции, а талисман боевого друга-солдата неизменно был рядом с кортиком и сиял перед праздниками, несмотря на старые царапины, которые с годами стали казаться мне шрамами и морщинами.

...Хоронили папу с воинскими почестями. Рота почётного караула на пронизывающем февральском ветру словно окаменела. Пламенели подушечки, в последний раз на них красовались награды, которые мы в суете скорбных дел не удосужились почистить, гордо лежал любимый кортик рядом с хозяином. И только старый кинжал остался дома. Его с собой ТУДА не взяли. А он на этот раз не уберег.

Юрий Викторович Подлипчук

Очерк

Я впервые увидела Юрия Викторовича Подлипчука в год 30-летия Победы на консультациях по русской литературе, на которые я пришла в аудиторию Хабаровского педагогического института. Он поразил меня яркой нестандартной шевелюрой – что-то вроде каре, как у «Битлов». Голос с картавинкой, круглые очки. Оригинальная манера ведения лекции-беседы шокировала школьников. Говоря о «Евгении Онегине», Юрий Викторович неожиданно произнёс: «А Татьяна Ларина – просто дура». Это был ответ на вопрос какой-то десятиклассницы: «Как раскрывать образ Татьяны на экзамене в её отношениях с Онегиным?» Я это его высказывание записала в общую тетрадь и подчеркнула трижды. Так о классике мне никто никогда не говорил.

Я поступила на филологический факультет. На 1-м курсе группы делили для практических занятий по «Выразительному чтению». Кастинг проводил Юрий Викторович Подлипчук. Он отбирал для себя «сильную

группу» и работал с нею, чтобы в перспективе подготовить участников самостоятельного студенческого театра-студии, которой он долгие годы руководил. Я попала в группу Юрия Викторовича. Началась работа с текстом: делили его на синтагмы и фонетические слова, учились тайнам интонационного рисунка. На зачёте читали наизусть «Бой быков» Семёна Кирсанова, посвящённый Владимиру Маяковскому, и «Песню о Буревестнике» Максима Горького. Думаю, те, кто прошёл школу Подлипчука, и сегодня, разбуди их среди ночи и напomini, начнут декламировать:

Бой быков!

Бой быков!

Бой!

Бой!

Прошибайте

проходы

головой!

Сквозь плакаты,

билеты

номера –

веера,

эполеты,

веера!...

Бой быков!

Бой быков!

Бой!

Бой!

А в соседстве
с оркестровой трубой,
поворачивая
 черный
 бок,
поворачивался
 черный
 бык...

Первый курс был пройден. А работа с Юрием Викторовичем продолжалась: он перевёл «Слово о полку Игореве», вступив в полемику с официальными переводчиками и версией академика Б.А. Рыбакова. Мы толковали вместе с Юрием Викторовичем «тёмные места текста» и мечтали, что «наш» перевод опубликуют. Перевод увидел свет только после смерти Ю.В. Подлипчука.

На третьем курсе, когда древнерусская литература была освоена и сдана, Юрий Викторович в конце зимнего семестра предложил нам слушать «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. «Слушать» – это значило, что он будет по-домашнему читать нам вслух. Не знаю, можно ли сегодня представить, что вузовский преподаватель читает студентам вечером роман, а они без дамоклова меча

незачёта или не сдачи экзамена занимают места в аудитории далеко за пределами учебного времени. У нас было так.

Достать «Доктора Живаго» в то время было невозможно. Интернета не было. Существовал только журнальный вариант. Каждый вечер, после занятий, мы собирались в 333-й аудитории, рядом со спортзалом на последнем этаже в корпусе по ул. Дикопольцева. Тогда там жил хабаровский филфак, стояли старые шкафы орехового дерева, а в них, за дверцами со стеклом, книги, книги, книги...

В сумерках мы усаживались, кому где удобно, и Юрий Викторович своим неподражаемым голосом актёра и режиссёра, начинал читать. Время летело незаметно. Все ждали следующего вечера и продолжения...

В один из вечеров я попросила Юрия Викторовича: «Можно мне на ночь взять журналы?». Он удивлённо поднял брови и спросил: «Надоело меня слушать?!» Я объяснила, что хочу ещё раз пережить всё, что в романе, наедине с собой.

Юрий Викторович саркастически протянул: «Ну, ну!...» Журналы дал. Помню, что страницы были зачитаны так, что некоторые слова читала по догадке. Я поняла, что наш преподаватель знает текст почти наизусть!

Спать в ту ночь я не ложилась – читала. Вечером вернула журналы. Юрий Викторович ни о чём не спросил и продолжил чтение.

У него обо всём было своё мнение. Не только о литературе. Студенты хотели писать у него дипломные работы. Он был требовательным наставником. О том, что Юрий Викторович – фронтовик мы вспоминали в майские праздники. Он не рассказывал о войне, по крайней мере, моему курсу. Но когда ставил мини-спектакли или инсценировал стихи военных лет, безошибочно подбирая студентов-актёров, зал замирал. Может, потому, что большая война была к нам ближе, на расстоянии одного поколения – поколения наших отцов. Преподаватели-фронтовики носили «колодочки» на штатских пиджаках и не прячась курили с нами, студентами, на переменах в «курилках» на 3-м и 2-м этажах главного корпуса. Тогда же мы о многом успевали с ними поговорить.

Когда сегодня говорят, что педагога можно вырастить, создать, культивировать, я, оглядываясь назад, думаю, что педагогом должен быть только талантливый, увлечённый и добрый человек, которому есть что подарить ученикам. Например, такой, как Юрий Викторович Подлипчук.

**Волонтёрскому братству нашему
навсегда буду верной я...**

Вот так, позаимствовав слова старой песни «Одноклассники» и немного их перефразировав, хочу сказать о волонтёрах XXI века. И неважно, сколько волонтёру лет, родился он в нынешнем веке и тысячелетии или в прошлом, ясно одно: волонтёры – люди особой крови, и братство их прекрасно.

Я получила первую прививку волонтёрства в 90-е в Японии, когда вместе со своими малолетними детьми и волонтёрами разных стран участвовала в помощи воспитанникам российских детских домов: мы зарабатывали деньги на компьютеры, которых в детдомах тогда не было. Эта история случилась в городе-побратиме Хабаровска – в японской Ниигате, куда в те годы самолёты из Хабаровска летали дважды в неделю.

Дети проводили конкурсы и какие-то русские детсадовские игры за небольшую плату, которую собирали японцы-волонтёры. Мы объяснили, что если они заработают деньги, то в детские дома привезут компьютеры. Малыши

очень старались, к ним выстроилась очередь поиграть. Дети выглядели трогательно, сын к тому же по-японски зазывал всех играть с ними (ходил в муниципальный японский детский сад у железнодорожной станции, уже научился немного японскому бытовому языку). Мой «аттракцион» был вторым по популярности: очередь была чуть поменьше. Я на двух сковородах пекла вкусные русские блины (двести с лишним «за смену»), проводила мастер-класс, учила всех желающих. Японцы по-детски радовались, когда у них блины получались. Американские волонтеры готовили и продавали сэндвичи, к ним патриотично подходили соотечественники... Было жарко, весело, азартно...

Вечером дома я залечивала ожоги от сковородок, дети мои еле стояли на ногах, но организаторы акции нас обрадовали: сообщили нам, что деньги на компьютеры собраны, и техника в ближайшие дни будет отправлена в Хабаровск. Я тогда поняла, что волонтеры – сила! Потом были и другие сборы международных волонтеров в Японии: по очистке берега моря от мусора после огромной силы тайфуна, накрывшего побережье. Был выезд осенью к пожилому фермеру, где все копали батат (сладкий картофель), а потом могли взять с собой в пакетике, который

каждому вручал хозяин, несколько клубней. Добирались мы туда заказным автобусом, каждый волонтер заплатил за проезд 200 иен (около двух долларов). Уезжали на ферму рано утром. Вспомнила я студенческую юность – выезды «на картошку» и проявила прыть. Японцы каждый клубень бережно выкапывали, как археологи артефакты, очищали от земли, рассматривали, клали в большую плетёную корзину... Я просто рыла, как землеройка, и удостоилась похвалы хозяина: «Рекордсмен-сан!».

Семья фермера под навесом приготовила для нас угощение: на очаге – огромный чайник и печёный батат (любимое лакомство японцев). Пригласили нас приезжать и на сбор киви – у семьи не только поле батата, но и большой фруктовый сад, а рабочих рук не хватает: молодёжь уехала в город, а у стариков уже сил маловато, поэтому приезду помощников-волонтеров на уборку урожая всегда рады.

Волонтерство, или добровольчество – не порыв, а терпение, выносливость, безграничная доброта, независимо от цвета кожи, вероисповедания, языка. Ничего нового: как их ни назови, а добровольцы (волонтеры) были всегда – и во времена наполеоновских войн, и в первую мировую, и в гражданскую, и в Великую Отечественную, и на целинных

землях, и на стройке БАМа, и в великое дальневосточное наводнение 2013, и во время военного конфликта в Сирии... Не обойтись сегодня без «событийных волонтеров» на массовых мероприятиях: будь то Олимпиада, XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов, «Бессмертный полк», форум «Амур» или борьба с коронавирусом в 2020-2021 годах.

Самые масштабные событийные волонтерские проекты, в которых и мне довелось участвовать в последнее время, – это XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Сочи в 2017 году и 45-ый чемпионат мира по профессиональному мастерству в Казани – WorldSkills Kazan 2019 (22 – 27 августа 2019 года).

Событийный волонтер обязательно проходит специальную подготовку: с нами работали замечательные тренеры, которые формировали команду, учили нас. В составе делегации Хабаровского края на XIX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Сочи было трое «серебряных» волонтеров: врач из Комсомольска-на-Амуре Наташа Галкина, учитель биологии из Хабаровска Оксана Юрченко и я. Конечно, вступая на боевую тропу событийного волонтерства, мы многого не знали из того, что должен знать волонтер, что знали студенты: Маша Пирог и Настя Брага,

Наташа Буртовая и Вика Литовка, Попков Саша и Мубаракшина Катя... Например? Например, что такое «зачекиниться перед сменой». Глагол поставил меня в тупик. Тут же Лена Григорьева (волонтёр зимней Олимпиады-2014 в Сочи) и Катя Кузьмина объясняют, что до начала работы нужно пройти процедуру идентификации («чек ин»), а по окончании рабочего дня – опять отметить. Серёжа Морозов и Дима Сериков объясняли важность аккредитации как этапа оформления и необходимость ответственного отношения к аккредитационной карточке волонтёра («ключа без права передачи») на международном мероприятии. Напоминали о чести волонтёра, одетого в форму мероприятия, о взаимовыручке.

Кстати, Хабаровский край одел своих волонтёров в дизайнерские комплекты с символом края.

Хабаровский край одел своих волонтёров в дизайнерские комплекты с символом края

Многие делегации говорили, что нам завидуют, предлагали после мероприятия поменяться. Знаю, что и год спустя мы собирались в «нашей» форме делегацией – это тоже говорит о волонтёрском характере и достоинстве. Хрупкая Вика Невинская, как бы ни уставала, обязательно разбирала вечерами наши успехи и недочёты: 50 волонтёров края были в Сочи заметны в пятитысячном отряде волонтёров планеты: нас отмечали как лучших на самых сложных участках! В делегации – студенты вузов и средних учебных заведений края, работающая молодёжь и «серебряные» волонтёры. Атташе делегаций, в том числе иностранных – мы! «Медальс плаза» (Медальная площадь) – сердце фестиваля, где находится олимпийский факел-2014, где происходили грандиозные события – мы! Аккредитация участников и волонтёров – догадались? Конечно, мы! Главный медиацентр Фестиваля – разумеется, мы!

Я видела, как за короткое время мероприятия ребята закалялись, росли, становились лидерами:

волонтёрство не терпит нытиков и слабаков.

А то, что волонтёры Хабаровского края – люди «высшей пробы», мы знаем наверняка:

большая часть нашей делегации по итогам работы в Сочи была названа «золотыми волонтерами». В 2018 году, объявленном Годом волонтеров, мы получали награды – памятные медали и к ним грамоты Президента Российской Федерации «За вклад в подготовку и проведение XIX Всемирного фестиваля молодёжи и студентов 2017 года в Сочи».

Феномен волонтерского братства в том, что каждый хочет тебе помочь и помогает, нет равнодушных.

...Ребята спасали отравленного бездомного щенка – ночью мы собирали по комнатам деньги на такси и «ветеринарку». Хвостатый остался жив и утром сладко спал на диване в холле, на радость всем. Когда мы разъезжались, ребята пристраивали его «в добрые руки». В свободное время – вне смен – мы на «Ласточке» съездили на Красную поляну, поднялись на канатной дороге на самый верх, спустились к водопадам. Море в начале нашей жизни в волонтерской деревне в Сочи было по дальневосточным меркам ещё тёплым: мы купались после работы, видели играющих дельфинов. А на стол уже подавали местные мандарины и яблоки из краснодарских садов – осень! Щедрая! Тёплая! И таким же было отношение к волонтерам, которые встречали, сопровождали и провожали участников

Фестиваля. Мы не только работали – в свободное время посещали выставки, мероприятия. Когда выступал Ник Вуйчич – мотивационный спикер, очередь на его лекции занимали с 6 утра. И увидели, и услышали, и не пожалели об этом! XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Сочи-2017 позволил десяткам тысяч молодых людей планеты встретиться, пообщаться «вживую», подружиться, обсудить то, что им интересно.

Пройдя школу волонтерства XIX ВФМС, повторю: с ребятами из волонтерской дружины Хабаровского края я «пошла бы в разведку», как говорили раньше, когда хотели дать самую высокую оценку моральных качеств и надёжности человека.

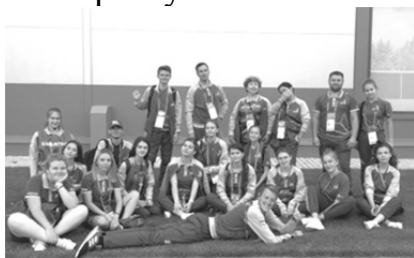
В Сочи с нами работали организаторы-профессионалы по подготовке мероприятий мирового уровня, многие – из Казани. На позиции «Управление потоками» нами руководил Ильгиз Латыпов.

Когда объявили набор волонтеров на 45-ый чемпионат мира по профессиональному мастерству WorldSkills в Казани-2019, я подала заявку на участие и прошла этапы подготовки, надеясь встретиться с друзьями-волонтерами. И вновь мне повезло: я в составе делегации края (25 человек) работала в Казани.

45-й WSK
Казань-арена,
2019

Многие наши ребята стали экскурсоводами WSK2019 – волонтёрами экскурсионного обслуживания 45-го чемпионата мира по профессиональному мастерству WorldSkills.

Волонтеры
экскурсионного
обслуживания.
Казань, 2019
Нами круглосу-
точно занимались

Алия Замалдинова и Ильгиз. Мы запоминали маршруты по карте, нахаживали по территории чемпионата десятки километров, учились «не пересекаться» с маршрутами других экскурсий. Конечно, мы очень много повидали, встретились, как и в Сочи, с интереснейшими людьми. Я теперь точно знаю, что такое настоящий осетинский пирог с мясом и с сыром, потому что мастер-класс моего маршрута включал позицию «Осетинские пироги», и школьники России не только слушали экскурсовода, но и пробовали

произведение горских красавиц на вкус, который ни с чем не спутаешь. А моим коллегам по делегации досталась работа с молодыми кондитерами планеты: по вечерам в общежитии волонтерского городка мы слушали рассказы о карамельных секретах и других «марципановых тайнах» Чемпионата. Вновь в делегации были и юные ветераны волонтерского движения – Вика Невинская, Лена Григорьева, Саша Попков, Вика Литовка, и «серебряная» Оксана Юрченко, и знакомые мне раньше волонтеры: Оля, Андрей, с которыми в этот раз мы прошли не только дорогами экскурсий 45-го чемпионата мира по профессиональному мастерству WorldSkills – 2019, но и древними мостовыми Казанского кремля, тропами Храма всех религий, побывали в музее национального татарского лакомства «чак-чак», перебрались на пароме через Волгу, вымокли до нитки на Казань-арене в день закрытия Чемпионата...

С Олей Ключковой в Казани, 2019.

И, особо не надеясь, что мои замечательные, но очень занятые друзья-волонтеры когда-нибудь прочтут эти строки, я хочу закончить

свой краткий экскурс в опыт волонтерства
строчками из вечной бардовской песни Валерия
Канера:

*А голова моя полна бессонницей,
Полна тревоги голова моя.
И, как расти не может дерево без солнца,
Так не могу я быть без вас, друзья!*

*Спасибо вам, не подвели, не дрогнули.
И каждый был открыт таким, как был...*

Я верю, что моё волонтерское братство
продлится, что вместе мы пройдем дорогами
удивительных встреч и событий, где без нас,
волонтеров, ну никак не обойтись.

Такой манящий, маленький в океане остров...

Наш Шикотан

Теплоход «Русь»

Сводный путинный студенческий отряд «Амур» после прививок от всех известных болезней, погрузился в поезд «Океан» (Хабаровск-Владивосток) под звуки марша. В плацкарте было душно, мест не хватило, часть отряда улеглась на третьих – багажных полках. Ничего: дальше – морем... Перетерпим! Не зря же на нас зелёная (почти военная) стройотрядовская форма с нашивками вузов.

Наши приключения начались с подъёмом на борт легендарного теплохода «Русь» во Владивостоке. Это была старая «Русь», бывший немецкий корабль, построенный в 1933 году в Германии. Судно было приписано к Дальневосточному ордена Ленина морскому пароходству ММФ СССР, а списали его в 1979 году. «Русь» – корабль с необыкновенной судьбой – был построен в Германии, потоплен во время 2-й Мировой войны, поднят и восстановлен в 1948 году в ГДР. Судно подорвалось во время перехода в Ригу, восстановлено в Риге и в 1952 году прибыло во Владивосток. 160-метровый теплоход,

пассажировместимостью 722 человека, принял на борт гораздо больше нормы студентов объединённого путинного отряда, направлявшегося на всесоюзную путину на остров Шикотан летом 1976 года. Кому-то досталась верхняя палуба с «люксами», с коврами на полу, с огромными кроватями под малиновыми бархатными балдахинами, подхваченными кручёными золотыми шнурами с кистями. Не спешите завидовать: в «люксах» квартировал отряд мединститута, по двое-трое студенток на одну кровать! Там разместилась и моя двоюродная сестра Света с весёлой подружкой Мариной. Мы, отряд педагогического института, с палубы рангом пониже, ходили к ним на экскурсию, удивлялись ростовым игрушкам в детском уголке, качались на лошадках... Зато спали мы каждый в своей кровати, потому что были они поуже! И ковров на нашей палубе не было. Да и не собирались мы в каютах сидеть: пронёсся слух, что на теплоходе на верхних (элитных) палубах работают бары и там можно выпить диковинный коктейль. Мы с однокурсницей Аллой собрались в разведку: заплели косы, закололи их шпильками – вечерние причёски изобразили! Форму сняли, надели джинсы и футболки без опознавательных знаков, ресницы ленинградской тушью за 40 копеек густо

накрасили. В баре никто паспорта не спрашивал. Заказали для начала по бокалу шампанского и уселись на высоких стульях у барной стойки: всё по-взрослому. Недолго посидели – с обходом по корабельным барам отправились командир и комиссар отряда, пришлось объясняться.

Завод и ипритка

К Шикотану подошли ночью, в тумане, с гудками корабельных сирен, и встали на внешнем рейде. Утром туман поредел, за нами пришли плашкоуты, которые подталкивали к нашему кораблю маленькие буксиры, – и человек по 20-30 стали переправлять с корабля на берег. Мы выходили на курильский берег в бухте Малокурильская – смотрели по сторонам, пытаюсь разглядеть большой рыбоперерабатывающий завод. Увидели только что-то дощатое, длинное. Решили, что завод где-то в другом месте.

Позже оказалось, что это сезонный завод и есть. Построили его японцы в то время, когда владели Курилами. Настоящего старого японца (или айна?), который жил на Шикотане безвыездно и работал наладчиком на старом заводе, мы много раз видели потом. Он ходил по острову в какой-то тёмно-синей робе с длинными рукавами, в шляпе с полями и с

антимоскитной сеткой. В руках у старика почти всегда был большой старый жестяной чайник. Мы гадали, зачем японец носит чайник с собой. Жить что ли без чаепития не может?

Выяснилось, что старик был умудрён опытом островной жизни, спасался так от ипритки. Ипритка – растение, которое при цветении вдоль ручьёв и горных рек рассыпает пыльцу. Действие пыльцы было сходно с действием боевого отравляющего вещества кожно-нарывного действия – иприта. Мы в этом скоро убедились: девочки с факультета иностранных языков успели влюбиться в героев путины. Любовь была страстной – следы её не замедлили явиться: на спинах и пониже спины тех, для кого трава была «ложем любви», появились страшные нарывы. Через пару дней девчонки не могли даже бельё надеть, не то, что робу форменную. Командир сводного отряда «Амур» – врач, преподаватель мединститута Владимир А., и ультрафиолетом эти раны любви лечил, и преднизолоном... Девчонки плакали и ходили по комнатам в халатиках на голое тело – прикосновения к поражённым участкам кожи было нестерпимым. Конечно, им было не до работы. Закончились для них путина и любовь эвакуацией на самолётах санавиации на большую землю и лечением в стационаре.

А старый японец нам объяснил, что нужно было марганцовкой сразу мыть места, куда попала пыльца. Оказывается, в большом чайнике он с собой по острову раствор марганцовки носил. Сезонницы, которые работали с нами в смену на заводе и были на Шикотане не в первый раз, говорили, что к появлению злого растения японцы руку приложили. Мол, остров когда-то змеями кишел, как и соседние островки. А японцы вдоль ручьёв и горных речек развели это чудо-растение: ипритку. Змеи покрылись язвами и извелись: сдохли. А люди знали, как себя уберечь: раствором марганцовки. Студентам это знание никто не передал, оттого и пострадали. От общения с сезонницами нас на линейках в стройотрядовском (путинном) лагере предостерегали. Рассказывали, что работницы знают не только шикотанские легенды: были среди них те, кто и в местах лишения свободы успел побывать, и вынес оттуда суровость нравов и навыки скорой расправы. Может, так и было, но работали женщины на конвейере отлично, выдавали по 2-3 нормы за смену.

Пожар

Путина научила многому, некоторые уроки были очень жестокими. Смены у нас были 12 через 12, то есть две смены в сутки. В

бараках включали обогреватели, чтобы подсушить одежду после тумана, после дождя и после стирки. Одна смена спала после работы беспробудно, другая работала. Однажды ночью рядом с нами загорелся деревянный корпус отряда «Кузбасс»: сонные, очумелые бойцы выпрыгивали из окон (благо, корпуса были одноэтажные), выбрасывали почему-то матрасы... Корпус пылал ясно, большим костром. Наши вёдра с водой ничего не изменили. Хорошо, что никто не погиб. Мы собирали вещи для погорельцев. Каждый что-то отдал им из своих вещей: запасные кеды, футболку, свитер, носки. Беда была в том, что сгорели и документы: паспорта, дипломы (многие ребята отправились на всесоюзную путину прямо после выпускных вечеров, не заезжая домой, в надежде и романтики дальних странствий отведать, и денег заработать перед возвращением). Документы восстанавливали, в них стояло место выдачи: посёлок Крабозаводск. Память надолго!

Были радостные моменты: свадьбы прямо на путине. В нашем сводном студенческом отряде «брачевались» студенты института культуры. И после путины ещё свадьбы играли – ребята нашли здесь свои половинки судеб. Появились семьи Наташи и Славы В., Иры и Саши Б., которые уже внуков воспитывают и

вспоминают Шикотан. А сколько песен было спето. И, конечно, новые в репертуаре появились: «Остров Шикотан» Валентины Бурбы

*Такой манящий маленький
В океане остров.
И на этом острове
Жить совсем не просто.
То тепло, то дождь идет,
То спокойно, то трясет.
Только очень дорог нам
Остров Шикотан!*

*Этот остров – чудо-край
красоты неписаной.
Ты с другим не сравнивай –
Он такой единственный.
На родном материке
все осталось вдалеке.
И все ближе к сердцу нам
Остров Шикотан!*

*Пусть дожди и пусть буран
Навещают Шикотан.
Нам здесь очень нравится,
С ним мы не расстанемся.
Пусть бывает нелегко
и, порою, тяжело.
Все равно он дорог нам
Остров Шикотан!*

Ещё пели: *«Я все Курилы обошёл в сапог
обутый/ я слушал песни старых моряков...»* –
переделку песни:

*Я прошёл Сибирь в лаптях обутый,
Слушал песни старых чабанов...*

Пели у конвейера, пели в свободное
время, пока шли с работы в сопку – в лагерь.

Конвейер

Постепенно мы втянулись в будни
рыбопромысловиков и рыбопереработчиков,
стали выполнять норму. Приходили сейнеры с
уловом, по конвейеру старого завода плыли по
воде блестящие пустые банки, подавали
холодные противни с твёрдой, прямо с
разделки, сайрой во льду. Разделочный цех был
одет в тёмные халаты, заправски орудовал
острыми ножами. Я с девочками стояла на
укладке в белом халате и колпаке из белого
платка. Мы укладывали рыбу в банки
«розочкой» (первый сорт, каждый кусочек стоит
на хвостике по кругу, как карандаши в стакане-
карандашнице) и «ёлочкой» (не стандарт –
кусочки коротко отрезаны). Если сайра чуть
обмякла, «ложится» – это брак, её на
переработку, на корм скоту. Укладывать рыбу в

баночку нужно было быстро. Потом взвесить баночку и поставить на поддон с бортиками: три баночки по ширине поддона, пять в длину – пятнадцать. За смену нужно было сделать норму: тридцать поддонов. Если уложил некачественно, контролёр ОТК вываливала баночку на поднос с рыбой. Начинай сначала.

Когда засыпала после смен – снилась блестящая синевато-металлическая сайра и её запах: моря, почему-то огурцов и снега. Снились и блестящие баночки, как первокурсникам снилась, наверное, картошка после уборочной страды. Не знаю, что снилось парням на путине: они ставили тяжёлые противни с уложенными банками в горячие печи для бланшировки, а потом вынимали оттуда раскалённые противни и отправляли на закатку. Адская работа! Но до закатки девочки на очередном конвейере должны были кинуть в каждую баночку пряности: перец горошком и лавровый лист. Масло для заливки сайры шло только импортное – оливковое. Его понемногу в баночках же утаскивали в общежитие и жарили на нём форель из горных речек. В столовой не наедались. Ночью, на смене, часа в 2-3, в тех же новеньких блестящих баночках, в которые мы укладывали сайру, нам давали очень крепкий сладкий чай, чтобы не спали на конвейере. После смен мы шли в наш лагерь пешком, по

тропинкам вдоль моря. Часто приходили морские туманы. Нас инструктировали: ходить по острову только группами – пограничная зона.

Шикотанские коровы

Однажды в густом тумане возвращались с работы в корпус и услышали, как кто-то громко вздыхает где-то у нас под ногами. Да не один! Очень испугались. Потом наткнулись на что-то огромное, шерстистое, шумно дышащее, непонятное. Кто-то из девочек закричал. И вдруг прямо из-под ног: «Му-у-у...». Это улеглись в тумане спать дикие шикотанские коровы, а мы на стадо в тумане наткнулись. Были эти коровы низкорослыми, косматыми, неухоженными, сбивались в стада и бродили везде. Бог весть, как они зимовали, когда кончалась путина и все разъезжались. Кто-то когда-то завёз их на остров и бросил. Они сами собой плодились, никто за ними не смотрел. Людей они совершенно не боялись. В отряде были девочки, которые выросли в деревне, в семьях, где держали коров и коз. Они предложили сходить в корпус за банкой и подоить коров. Молоко у нас в рационе было только сгущённое, добавленное в какао. Сказано-делано: вымыли трёхлитровую банку из-под томатного сока и наши доярки отправились к

коровам. Те, наверное, удивились, но подоить себя дали: не жадные были! Молоко оказалось жёлтое, густое, очень жирное – треть банки сразу сливками отстоялась. Все в нашей комнате налили в кружки крепкий чай и начали добавлять молоко. Кто-то первым попробовал – и выплюнул: молоко пахло рыбой! Коровы приходили к речке, которая впадала в море. В неё завод сбрасывал часть рыбы после разделки – отходы. Тучи чаек постоянно кормились у речки. Коровы тоже приходили сюда и с аппетитом ели... рыбу. А у коровы молоко на языке – всякий знает. Что она поест, то и в молоке будет. Больше никто рыбное молоко не пробовал. Морским шикотанским коровам из столовой мы по куску хлеба брали – они нас на сопке по дороге к лагерю ждали с этим лакомством.

Бывали дни после штормов, когда сейнеры запаздывали – мы могли тогда пойти гулять по острову, пока завод стоял. Природа Шикотана очень красива: прозрачные горные речки и ручьи, в которых водится форель; небольшие водопады, густая зелень кустарников, экзотические цветы и травы, скалы, причудливо промытые высокими океанскими приливами и высушенные ветрами. А тут и красная смородина вдоль речек поспела. Мы увидели, как тот же старик-японец в

огромных целлофановых мешках (вкладышах в бочки) носит на спине что-то красное. Он собирал и заготавливал красную смородину: витамины. Зачем так много? Говорили, что жил он один. Может быть, угощал кого-то зимой? Мы тоже ходили собирать смородину, но сразу её и съедали.

Браконьеры

Событиями, разнообразившими нашу жизнь на острове, были поимки японских браконьеров. Недалеко от завода, за речкой, была застава. Несколько деревянных домов. Один был выбелен извёсткой, маленькие окошки почти под крышей. Мы думали – склад, оказалось – тюрьма для браконьеров. К заставе был приписан наш патрульный катер и японская шхуна с круглым носом. Её когда-то взяли на ловле крабов, команду после проверки отпустили, капитана хозяин выкупил, а шхуну – нет. Стала она использоваться для «ловли на живца». В безлунные ночи или в туман шхуна отправлялась в дозор: по очертаниям японские браконьеры, которые в наших водах промышляли ловлей крабов, принимали судно за своё – они тоже работали без огней, подпускали «соотечественников» близко, а когда обнаруживали, что это не свои, было уже поздно. Подходил сразу и катер береговой

охраны, и под конвоем браконьеров вели к причалу. Судно арестовывали, команду — в тюрьму, до выяснения «кто есть кто». Мы, если в это время были не на заводе, собирались на «спектакль» на берегу. Начальник заставы надевал белый китель, парадную фуражку (международный этикет!), выстраивал свой гарнизон и принимал пленных, которые по одному сходили с судна по трапу. Он что-то говорил им по-японски. Девчонки через неширокую речку пытались с молодым щеголеватым офицером заигрывать: что-то ему кричали. Он был с нами подчёркнуто строг, женским вниманием и без студенток не обижен.

Зато после того, как из трюма вынимали улов, у нас в столовой менялся рацион: вместо надоевшего всем супа из сушёной картошки и венгерского салата варили вкусную уху из того, что было в прилове. Однажды вытащили огромную луна-рыбу. На неё забирались и делали фото. Конфискованных крабов складывали в большие бочки у входа в столовую и продавали по 50 копеек за штуку — линия конвейера была настроена на сайру, завод крабами не занимался. Крабов в такие дни варили по комнатам на электроплитках. Кто-то из москвичей и ленинградцев потрошил и лакировал мохнатых королевских крабов, чтобы отвезти домой и удивить родных.

Дальневосточники крабов просто варили и ели. Спасибо браконьерам.

Землетрясение

Жизнь на путине и так, как видите, была нескучной. Но Шикотан решил нас удивить по полной: мы возвращались после смены, почти дошли до лёжки коров, как вдруг показалось, что воздух стал слоистым, как коктейль, который не перемешали. Было ощущение головокружения. Тут наша однокурсница с Камчатки закричала: «Землетрясение». Мы не знали, стоять, бежать или идти: земля буквально уходила из-под ног, по ней пошли трещины. Решили медленно идти к лагерю. Пока дошли, всё стихло. Корпуса стояли на месте. Мы легли спать. А утром пришли на смену – завод не работает: все конвейеры погнуты, банкопровод (решётчатый жёлоб, по которому банки скатывались с чердака завода в воду и плыли по жёлобу-конвейеру к укладчицам) пошёл волнами.

Завод был когда-то устроен японцами предельно просто: банки из склада по наклонной неширокой ленте с бортиками скатывались вниз и попадали в ледяной поток горного ручья, подведённый к ленте. Вода сама несла их к укладчицам, которые вылавливали банки из воды по мере надобности. Вот такая

механика без электричества. Холодная вода потом сливалась в большой резервуар, ниже уровня пола, куда банки уже после бланшировки в печах и закатки опускали в больших сетках остужать. Но после землетрясения ленты конвейеров пришли в негодность. Что же делать? Мы мечтали о выходном – день был погожим, но тут появился старый японец-наладчик с деревянным молотком-кувалдой. Он стал аккуратно, не торопясь, простукивать все конвейерные линии деревянной колотушкой. Через час завод заработал: баночки покатались по наклонному жёлобу, поплыли по воде... Наладчик закинул свой молоток на плечо и ушёл.

Малолетки

Мы с одноклассницей Аллой проспали выход на работу... Как это случилось, не знаю. Вечером все пели, разговаривали допоздна. Потом незаметно уснули. И вот нас распекает командир отряда: «Как вы могли! Детский сад! Вы уже совершеннолетние, а ответственности никакой!» И тут мы хором: «А мы несовершеннолетние!». Командир даже рот не закрыл в поучениях, замер: «Как? А вы за технику безопасности расписались?» Мы: «Да, месяц назад, как и все». Тут выясняется, что на путину, учитывая, что работа 12 через 12 и в

ночные смены, нельзя брать несовершеннолетних. А мы с Алкой поступили в институт в 16 лет, и на втором курсе нам только 17 исполнилось... Что делать? Проморгали нас отцы-командиры! Вот провели они совет и решили нас на «безвредную» работу поставить в разные смены: баночки проталкивать, если они на наклонном конвейере застрянут. Выдали нам «волшебные палочки» – металлические прутья, которыми по решётчатому конвейеру можно постучать, а можно подтолкнуть или поправить вставшую на ребро баночку. Сразу скажу, что «банкопроталкивателями» мы недолго проработали: сезонницы решили нас научить курить во время перерывов. За этим занятием нас уже комиссар отряда застал и решил воспитывать трудом: вернуть на конвейер. Курить мы всё же научились. Так мы и завершили путину вместе со всеми, не «легкотрудами», несмотря на трудовой кодекс и несовершеннолетие.

Шторм

Всё время, пока идёт путина, в отряде «сухой закон». Но вот все получили расчёт, завтра отправляемся на «большую землю» после трёх месяцев отрыва от цивилизации. В магазин завезли дефицит: синие с белыми

лампасами и белыми полосками на воротнике спортивные шерстяные костюмы с олимпийками на молнии, московские шоколадные конфеты, прибалтийское женское бельё, командирские часы... Расчёт на то, что студенты большую часть заработка оставят в магазине. Ещё в магазине продают медовуху на разлив. Болгарские сладкие вина: «Варна» и «Бисер», дефицитные сигареты «БТ». Все отправились за покупками, затарились, поужинали в последний раз в столовой (нам так и сказали: ваш последний ужин).

А наутро мы проснулись – шторм десятибалльный, ветер воет, дождь стеной, волны по несколько метров высотой. Нам объявили, что корабль в таких условиях к острову не подойдёт: скалы вокруг. Питание закончилось. Есть только... сгущёнка. Тушёнку-то повара с местными давно поменяли на что-то им, поварам, видимо, очень нужное... А на сгущёнку отрядную охотников не нашлось (или не успели?). Предложили на каждого бойца отряда – по банке. И кипяток. А шторм не стихает... Мы жили в ожидании перемены погоды 3 дня. Из магазина всё волшебным образом тоже исчезло, кроме медовухи... Иначе чем потом местных кормить? На четвёртые сутки дождь прекратился, но ещё штормило. Дисциплина в отряде резко упала. Приняли

решение – отправлять отряд на большую землю. На плашкоутах уже по 10-15 студентов переправляли на корабль, который стоял на рейде. Один член команды страховал на плашкоуте, второй – вверху трапа, а над всеми – боцман с «матюгальником» – рупором. Трап скрипел и качался. Мы с рюкзаками вцеплялись в него, как в жизнь, и раскачивались над водой по одному. Комментарии боцмана не берусь передать. Самый нежный из них был адресован девушке из Ленинграда, которая руками обнимала большой коралл (кто-то из моряков с сейнера ей подарил). Держаться за трап нужно было двумя руками, но девчонка одной рукой прижимала к груди коралл. Боцман орал: «Брось саксаул, дура! Брось, утонешь! Сорвёшься, дура, я сам тебя утоплю!»

Возвращение

Загрузились все, но старая «Русь» была рассчитана на семьсот с лишним человек, а за нами «на вывоз» прислали теплоход «Моисей Урицкий» («М. Урицкий»), на котором было только триста пассажирских мест... Мы лежали вповалку на верхней палубе, шторм продолжался, по палубе перекачивались банки со сгущёнкой (варёной и «сырой»), но на неё уже никто смотреть не мог, отбрасывали банки от себя ногой. Постепенно народ рассосался по

каютам – и у большинства началась морская болезнь. Вдоль бортов опять стояли, сидели и лежали страдальцы. Когда добрались до Сахалина (пришли в порт Корсаков), половина отряда решила ехать автобусом в Южно-Сахалинск и лететь оттуда в Хабаровск за свой счёт. Те, кто остались на корабле, рассказывали нам потом, что переход Корсаков-Владивосток был спокойным: шторм кончился, еды было заказано на весь отряд. В поезде Владивосток-Хабаровск все разместились на нижних полках. Но это было потом... А мы в тот же день уже были дома, удивив домашних и своим потрёпанным видом, и ранним прибытием, и нескончаемыми рассказами о Курилах, о нашем Шикотане, о нашей путине.

**«Про такую любовь пусть снимают
картинки пускают в кино
да шестнадцати лет....»**

(предисловие к книге Сергея Сутулова-Катеринича «Наташкина серёжка». – Кемерово; Ставрополь: ОАО «ИПП «Кузбасс», 2020).

Замечательный подарок ценителям настоящего русского слова — удивительная книга Сергея Сутулова-Катеринича «Наташкина серёжка». Название сразу уводит в школьное детство и юность, когда все ещё называют друг друга просто Серёжками и Наташкиными.

В книге — стихи и повесть «Наташкина серёжка». По настрою она сродни чистой, честной и светлой довоенной повести Рувима

Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви».

Повесть Сергея Сутулова-Катеринича – исповедь автора, его разговор с той самой необыкновенной Наташкой, которая стала его любовью, счастьем и болью: «Жизнь теперь, после твоего ухода, и не жизнь вовсе, а затянувшееся послесловие к Любви. Мне уготована участь пересказать предисловие, точнее аж три предисловия к тому, что обернулось двадцатью годами Счастья».

Начинается история в далёком 1969 году на сцене Ставропольского Дома пионеров и школьников, где девятикласснику из Пятигорска Серёже Сутулову «цветы и алую ленту победителя вручала молодая гимнастка, завоевавшая высокие награды на всесоюзных соревнованиях».

– Как тебя зовут? – прошептал я на ухо незнакомке, оказавшейся напротив.

– Наташка, – улыбнулась девушка и нежданно-негаданно поцеловала меня в левую щёку.

Тогда же на сцене была потеряна Наташкина серёжка и Серёжкин покой: удивительным образом Наташкина серёжка «вонзилась в микропору подошвы. Видно,

Серёжка Сутулов, шагая к микрофону, ненароком наступил на драгоценную королевскую пропажу...».

Всё могло бы и закончиться возвращением серёжки Наташе Королёвой (так звали гимнастку), но... это было бы слишком просто. Судьба записала в свою книгу совсем иной сюжет... Повзрослевшие герои повести-притчи встретятся ещё раз летом 1970-го в вагоне поезда Москва – Кисловодск. Серёжка, который год назад мечтал увидеть ту самую Наташу, спросит: «почему в сборной Ставрополя по спортивной гимнастике нет Натальи Королёвой?

– Да потому, – улыбаешься ты, – что по отцу я – Чернокнижникова...».

И будет у героев одна серебристая соловьиная, полная прекрасных стихов, июньская ночь в Ростове, и договорённость о скорой новой встрече, и ожидание счастья... Вот только следующая встреча состоится ...почти через тридцать лет, в мае 1997. И уж тут-то счастья Серёжке и Наташке будет отмерено сполна на двадцать коротких ярких лет. Коротких, потому что счастья много не бывает! И о начале этого мистического счастья, для которого не было границ в пространстве и

во времени, о третьей встрече Наташки и Серёжки автор напишет, используя краски палитры Михаила Булгакова:

*«– Наташка! Сутулидзе! Где вы застряли?
– вызывает из кухни Гелла.*

*– Мы уже по третьей налили! – добавляет
Азазелло.*

*– Вам штрафные в коридор вынести?! —
хохочет Коровьев...*

*– Только Бегемота им недостаёт, — кивнув
в сторону укрывшейся за правым
поворотом компании, говоришь ты и
накапываешь в хрустальную рюмку ударную
дозу корвалола. «45 капель», — удивлённо
подмечаю я про себя, а вслух спрашиваю:*

*– М-можно, когда чуток отдышусь, стихи
прочесть. Не героям Михаила
Афанасьевича, а всё ещё вам, Наталья
Николаевна?*

*Ты препровождаешь меня в комнату, под
потолком которой порхают наши души.
«Тест на подлинность?» — спрашивает
Серёжкина. «Он самый!» — радостно
отвечает Наташкина...*

*Мы снова встретились, и нас
везла машина грузовая.*

Влюбились мы – в который раз.

Но ты меня не узнавала.

*Ты привезла меня домой.
Любила и любовь давала.
Мы годы прожили с тобой,
но ты меня не узнавала!*

*– Рискую ошибиться, теперь уже навсегда,
– волнуясь, произносишь ты, – автором
восьмистишия является Андрей Андреевич,
тот самый Вознесенский, которого в
юности боготворил Серёжка Сутулов».*

Мудрая, искренняя, добрая повесть-притча «Наташкина серёжка» доступна и юным, и зрелым читателям: каждый найдёт здесь что-то для себя: прекрасные строки Иннокентия Анненского, Фёдора Тютчева, Арсения Тарковского, Андрея Вознесенского, Сергея Сутулова-Катеринича переплетают поэтическую прозу.

А в голове рефреном строчка из шлягера семидесятых ВИА «Пламя»: «Про такую любовь пусть снимают картины и пускают в кино до шестнадцати лет...»

Я очень надеюсь, что неординарная, глубокая, возвышенная, кинематографичная повесть Сергея Сутулова-Катеринича о Любви

земной и небесной «Наташкина серёжка» станет фильмом.

О стихотворениях Сергея Сутулова-Катеринича – разговор особый. И начат он не сегодня, ведь речь идёт о большом современном поэте, которого открыл век двадцатый. А он, входящий в состав Русского ПЕН-центра, член Союза российских писателей и Союза журналистов России, продолжает открывать нам новую российскую Поэзию – и живёт на «45-й параллели», в особом поэтическом измерении. Стихи его публикуются и в зарубежных журналах: «Плавучий мост» (Германия), «Альбион» (Великобритания – Латвия), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Континент» (США), «Новый берег» (Копенгаген), и в российских – «от Москвы до самых до окраин»: «Юность» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Футурум АРТ» (Москва), «Зинзивер» (Санкт-Петербург), «Кольцо А» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск).

Мне дороги и интересны поэтические тексты Сергея Сутулова-Катеринича, и я уже писала об этом в одном из номеров российского литературного журнала «Дальний Восток» в 2017г., когда журнал опубликовал очередную подборку его стихов. Первый номер «Дальнего Востока» за 2020-й год в разделе «Поэзия» вновь открывает Сергей Сутулов-Катеринич –

«Неотвратимая отравка, или Сентябрины солнца», стихотворения, танкетки, баллады и поэмлада. И новая книга, которую я читаю, мастерски прошита знаниями, которые у автора энциклопедичны.

Качественная поэзия – та, над которой надо думать, разглядывая её, как советовал академик Николай Шанский, «под лингвистическим микроскопом». И, конечно, наслаждаться красотой поэтического слога, языковой игрой, неожиданными находками автора, связанными с развитием новых значений у знакомых слов, «огранкой» материала, его тщательной прорисовкой с использованием множества красок.

Именно такую профессиональную палитру настоящего художника, а не набор из шести детских цветных фломастеров демонстрирует нам Сергей Сутулов-Катеринич в своих поэтических текстах.

Кроме того, его стихотворные тексты всегда мастерски прошиты знаниями, которые у Сергея, как мне представляется, энциклопедичны.

Сложные, насыщенные подробностями, прекрасными аллюзиями, портретами ушедших и ныне здравствующих людей, поэтические этюды этого удивительного автора никого не оставляют равнодушными. Взыскательного

ценителя поэзии не может не привлечь оригинальный почерк Сергея Сутулова-Катеринича, его умение проявить мастерство, продемонстрировать «высший пилотаж» выучки (в хорошем смысле), щегольнуть применением приёмов языковой игры.

Ощущение лёгкости, интеллигентного изящества сохраняется при чтении текста. Кажется, именно о нём напевал Булат Окуджава, помните?

...Вымысел не есть обман, замысел – ещё не точка.
Дайте ж дописать роман до последнего листочка.
И пока ещё жива роза красная в бутылке,
Дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке.

Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела.
Почему – не наше дело,
Для чего, не нам судить.

Книга открывается поэлладой «Небо в разную погоду». Поэллада – поэтический жанр, в котором Сергей Сутулов-Катеринич парит над обыденностью, совмещая поэму и балладу. Он вспоминает о рождении жанра: «я маялся, не в силах разобраться с жанром: поэма или всё же

баллада случилась?! ...Выручила сокурсница, доктор филологических наук Людмила Бронская: «Поэтических (по канонам!) жанров, Серёжа, очень мало. Да ты и сам прекрасно знаешь. Придумай новый! Твоя “безумная, прекрасная, несчастная страна” того стоит». 1 марта 2004 года «Небо в разную погоду» получило подзаголовок: ПОЭЛЛАДА».

Этот текст автор посвящает памяти Натальи Сутуловой-Катеринич, той самой «Наташки», о которой повесть-притча «Наташкина серёжка», Наташе, которая стала не только первым слушателем новых строк, но и первым серьёзным и вдумчивым критиком.

Работа над поэлладой шла с августа 2000 года по ноябрь 2018, в книге представлена финальная редакция. За два десятка лет текст зажил отдельной жизнью как музыкальное произведение. По мнению автора, «интересны версии, предложенные Владимиром Узланером (Торонто) и Евгением Савиным (Москва)». Такие метаморфозы происходили и происходят со многими стихотворениями Сергея Сутулова-Катеринича: музыкальность его строк притягивает исполнителей.

Вот, кстати, один из наглядных примеров того, что тревога за судьбу России и мира не оставляет поэта и дома, на родине, и в его бесконечных странствиях по миру. Как и во

многих других стихотворениях, где он поднимается до обобщений:

в агате сгорая...

...Франсиско, носивший фамилию Гойя,
страдая, безумные войны пророчил:
русская бойня... испанская бойня...
всемирная бойня... свинец многоточий...
Франсиско, носивший фамилию Франко,
послал бесноватого фюрера к чёрту,
о чём рассказала седая испанка
седому туристу – сожгите зачётку!
(2015)

Е.В. Джанджакова когда-то назвала заглавия «чудовищно сжатыми аббревиатурами текста». Продолжая тему, позволю себе дополнить: поэзия – это чудовищно сжатая аббревиатура чувств, эмоциональных переживаний.

Жаль, что за рамками этого издания осталась ещё одна *качественная* поэмлада «Живой!», обращающая нас к творчеству Игоря Северянина с его особым жанром «поэз». (Несколькими абзацами попытаюсь хотя бы частично исправить сей пробел...)

У Сергея Сутулова-Катеринича жанр произведения чётко обозначен – *поэмлада*... «Имеющий уши» читатель да услышит здесь и поэму, и балладу, и Элладу, и, наверное, что-то

ещё. Вслушаемся, взглядимся, вдумаемся в текст, где поэт неожиданно философски объединяет-разграничивает время и людей на тех, кто «пока ещё живой», «ещё живой пока», «пока живой ещё», «уже живой ещё», «уже всегда живой».

Если всё сделать правильно: вслушаться и вдуматься – станет ясно, что Поэллада «Живой!» – о жизни, о поэтах, которым так мало отпущено, о людях, которые жизнью своей творили поэзию космоса (Гагарин и Нил Армстронг) и потому «уже всегда живые». Философия жизни земной, физического существования и жизни вечной, жизни в памяти людей когорты «уже всегда живых» – одна из проблем текста. В нём лаконично, талантливо-точно прорисовано Время и его ощущение людьми двух разных поколений, Время, заключённое в повторяющемся глаголе «мчит». Карета Есенина и ракета Гагарина, которые «мчат» – это символы двух эпох, а между ними менее полувека! Перед нами контекстные антонимы Сергея Сутулова-Катеринича, связанные повтором «...ещё живой» и нашим сегодняшним знанием – Есенин и Гагарин уже «всегда живые»:

Гагарин мчит в ракете – пока ещё живой.

Найдите в том же Интернете полный текст поэллады (поэмы и баллады?) «Живой!» Сергея Сутулова-Катеринича и вы отчётливо осознаете: нельзя воспринимать это полифоническое произведение в суете сиюминутности. «Живая поэллада» требует вдумчивой работы хорошего читателя.

Игра смыслов, игра поэтической светотени – это знак силы и мастерства поэта. Сергей Сутулов-Катеринич в совершенстве владеет формой и авторскими неологизмами может украсить школьные учебники родного языка и литературы, чего стоят, например, его «светожизнь» и «смертотень» в эпиграфе к стихотворению:

Мистерия, сводящая с ума

...начнём с нуля, начнём с рубля:
любава – жизнь! а смерть – халява...
и я был ты, и ты был я.

кому водить: я – бог, ты – дьявол?!

*Сергей С-К, «светожизни
смертотень», 2010*

Автор поэм, поэллад, стихотворений не только прозорлив, афористичен, но и ироничен, умеет пошутить и «улыбнуть» читателя, заговорщически подмигнуть своей Музе – Наташе Сутуловой-Катеринич:

Двухтомник «Ангел-подранок»: два автографа

1. Наперснице

К Наташе Катеринич (Сутуловой, слегка)

Поэт С-К привинчен навечно (тчк)

Азартных озарений – (с)читать (не перечесть)

Наперснице прозрений – кармическая весть.

Из цикла «Сутулилки, они же – катеринки»

* * *

Склоняясь к Авраама лону
(о, бедный старый Авраам!),
на склоне лет взбеги по склону
на зов прекраснейших из дам.

Георгий Яропольский

...назло Ньютону и Кулону,
а также Ньютону назло
на склоне лет взбегу по склону
на зов прекраснейшей из скво!

Вся книга Сергея Сутулова-Катеринича – это его ответ «на зов прекраснейшей из скво», его «Наташки, потерявшей серёжку» когда-то, целую жизнь назад, потому что так распорядилась их общая судьба. Наташа точно знала, что всё предопределено. Без этого не было бы троекратного повтора, как в сказках и

былинах, их мистически предначертанных встреч, залогом которых стала «Наташкина серёжка»... Наташка нашла серёжку (Серёжку!), но... теперь Книга судеб перевернула страницу их судьбы. Вечный круговорот Любви. Но Любовь не кончается с жизнью, влюблённым суждены встречи, главное, узнать друг друга Там. Любовь продолжается в песнях, стихах, в детях и детях детей, в книгах, в священном ремесле поэта.

*Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.*

Анна Ахматова

Раздел 2 Литературоведческие работы

Раздумья о стихах Игоря Царева

Честно говоря, когда впервые услышала от выпендрёжной выпускницы филфака МГУ, что физик из Хабаровска в Москве пишет хорошие стихи, а она рекомендует мне их почитать, боялась, что нарвусь на что-нибудь графоманское, «самодельное», или на какие-нибудь агитки «по случаю»... В последнее десятилетие-полтора мне, как специалисту по лингвистическому анализу текста, филологу, чаще всего предлагали оценить как раз такое «творчество».

СТИХОТВОРЕНИЯ (именно «творения», хотя дальше для краткости буду говорить «стихи») Игоря Царёва с первых строк рассеяли-развеяли мои предубеждения. Очень сожалею, что не познакомилась с ним — всё думалось, что человек он ещё молодой, успеется...

Не успелось... Теперь понимаю, что нужно успеть сказать о нём, потому что и сама я становлюсь старше.

Чтобы ТАК писать, нужны мощные затекстовые знания: культуры, жизни, литературы, поэзии. У Игоря Царёва их с лихвой: он лирический физик, жизневед, ПОЭТ. А, как известно, «Поэт в России – больше, чем поэт...». Вот и в его стихах всё сосуществует: Линда Эвангелиста, Наоми Кэмпбелл, Гуччи, Армани – и Гварнери, Альфред Шнитке, Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Марина Цветаева... А сколько ещё всего за кадром...

По итогам 2012 года поэт Игорь Царёв удостоен знака «Золотое перо», национальной литературной премии «Поэт года». А в апреле 2013 года Игорь Царёв ушёл из жизни «...недолюбив, недокурив последней папиросы», ушёл героем, шагнул в вечность. Поэт Андрей Земсков в предисловии к подборке из полутора десятков стихотворений, присланных для журнала «Дальний Восток» самим Игорем Царёвым и опубликованных уже после его смерти – в осеннем номере 2013 года, написал очень душевно: «Сутулясь и даже стесняясь, вышел на сцену ЦДЛ получать вполне заслуженное Золотое Перо. И я точно знаю: Игорь был как бы в стороне от всех этих премий, рейтингов, признаний. Скромный, улыбчивый, мудрый. А главное – добрый и светлый».

О героях слагают песни, пишут стихи. Он и сам писал о героях – своих друзьях, современниках. И они откликнулись стихами на трагедию. Многие стихи – пронзительные, читать их тяжело. Но – нужно! Нужно нам, тем, кто остался. Нужно Хранителям, чтобы не обрывалась Золотая Нить Поэзии, прочерченная Золотым Пером.

Хранителями поэтического наследия Игоря Царёва является, прежде всего, его семья: вдова (думаю, ей очень трудно привыкнуть к этому слову – Игорю она была Музой) – член Союза писателей России, писатель – Ирина Борисовна Царева. Сегодня Ирина Борисовна проводит огромную работу по сохранению литературного наследия Игоря Царёва. Несомненно, прекрасное дерево вырастает только тогда, когда у него могучие корни, питающие его. Могучими корнями творчества Игоря Царёва являются его замечательные родители – Екатерина Семеновна Кириллова и Вадим Петрович Могила, которые живут в г.Хабаровске, городе «Ха», о котором писал поэт. Крона мощного дерева – творчество Игоря Царёва. Я говорю «творчество», а не поэзия, совершенно сознательно, потому что без небольшого экскурса в биографию поэта многое останется непонятным.

Семья дала два крыла сыну, в нём, тогда ещё хабаровском школьнике, отразился вопрос времени, в котором он рос: спор физиков и лириков, в буквальном, а не метафорическом смысле. Мама Игоря – Екатерина Семеновна Кириллова – учитель русского языка и литературы хабаровской школы, отец – Вадим Петрович Могила, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, «настоящий физик». От отца – желание разобраться во всех тайнах мироздания не философски, а «на ощупь», практически. Отсюда – отличная профильная математическая школа г.Хабаровска, Ленинградский электротехнический институт, работа в Москве в «секретном ящике», а потом – желание рассказать людям о чудесах физики, вылившееся в научно-популярные публикации «Энциклопедия чудес» (1998); «Формула удачи»(2001); «Призраки живой планеты» (2002); «Тайны неведомых сил» (2005); «Тайна ведьминых кругов» (2005); «Кунсткамера тайных знаний» (2006) и другие. Но это уже «совершенно другая история», рассказать которую целиком сегодня я ещё не готова...

Игорю Царёву было суждено познать тайны физики, заниматься серьёзными научными разработками – и в душе оставаться лириком. Во второй половине жизни лирика

перетянула физика на свою сторону, но бесценный опыт лёг в фундамент стихов.

Здесь, в хрупкой лирике, пригодилось всё, в том числе умение «алгеброй гармонию поверить» – родилась совершенная рифма Игоря Царёва. Именно эта уникальная особенность его поэзии, не похожей на многие небрежные наброски претендентов на литературные премии, не сиюминутность творчества Игоря Царёва расширили круг Хранителей его стихов. Золотое Перо России оставило Золотой след. Круг читателей, в том числе молодых, – это новые Хранители, а, быть может, будущие поэты, которые сегодня выбирают между «физикой и лирикой» пока не в пользу последней... Но пример Игоря Царёва поучителен: для стихов не бывает поздно!

И вновь вернёмся к тому, что оберегают Хранители – к стихам Игоря Царёва. В них много удивительного: знание шедевров и способность самому их создавать, а не только коллекционировать. Чувство ритма – завораживающее, закручивающее, абсолютное. Так опытный партнёр ведёт в танце – надо просто на него положиться, довериться ему и следовать за ним.

За Игорем Царёвым надо следовать. Кому-то из современников нужно ещё расти, чтобы прочесть и оценить его стихи.

Потрясающее чувство меры и такта отличают Игоря Царёва в рассказе об очень личном:

Утром спросят друзья: «Ты с кем был?/Кожа мятая, цвет землистый...»

Ценители поэзии наслаждаются текстами с первой строки, как гурманы – глотком изысканного кофе или дорогого коллекционного вина.

Признаюсь, что я давно не испытывала такого удовольствия от чтения поэтических текстов.

Игорь Царёв, действительно, человек эпохи. А, может быть, человек-эпоха? Это покажет время. Поистине: «Лицом к лицу – лица не увидать. Большое видится на расстояньи...».

В его стихах зашифрован код эпохи – это послание потомкам. Здесь отголоски поэзии Серебряного века, переключки с Цветаевой, Пастернаком, Ахматовой, Гумилёвым (поэт был победителем конкурса «Заблудившийся трамвай» в 2011 году, не случайной наградой стала и «Большая серебряная медаль Николая Гумилева», которой Игорь Царёв был удостоен в 2012 году).

Чтобы войти в стихи Игоря Царёва, например, в его «На Ордынке», нужно держать в руках ключи, а не отмычки: не только знать, что Ордынка – старинная и славная

знаменитыми именами улица Москвы, но и вчитаться в Бориса Пастернака, в его «...Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела». А потом с изумлением узнавать эти строки в преломлении словесных витражей эпохи Игоря Царёва:

*В этом доме в Серебряном веке
У знакомых гостил Пастернак.
И свеча меж тарелок горела,
И гудела метель за окном.
И куда-то в иные пределы
Уносили стихи и вино.*

С Ордынки легко попасть на Елоховую и на Цветной бульвар, где

*Повидлом губы перепачкав
И не смущённая ничуть,
Зеленоглазая скрипачка
Склонила голову к плечу.*

В стихах Игоря Царёва – отголоски Булата Окуджавы, прямые обращения к Николаю Рубцову и Иосифу Бродскому, которых он ощущает братьями по крови и по духу. А мы, читатели, ощущаем, как мудро и добро улыбается поэт, даря нам эти строки:

*...Но жизнь, скользя по тросику, накручивая часики,
Готовила Иосику одну дорогу – в классики.
...Проем окошка узкого, чайк из мать-и-мачехи...
Откуда столько русского в еврейском этом мальчике?
Великого, дурацкого, духовного и плотского...
Откуда столько братского? Откуда столько Бродского?*

А ведь и ему, Игорю Царёву, «накручивая часики», может быть, слишком поспешно, жизнь тоже готовила дорогу в классики. Лучше бы – попозже, но с жизнью, как и с судьбой, не поспоришь...

А вопросов к жизни у Игоря с детства было много, не разучился он их задавать и став взрослым. Эти вопросы во многом определяли и его судьбу – судьбу русского поэта, и это не только о Николае Рубцове, а и о себе, о человеке «с обжигающей лампой таланта в груди»:

*У матросов нет вопросов. Я, наверно, не матрос...
Почему мы смотрим косо на того, кто в небо врос?
Печка в плитке изразцовой затмевает дымом свет.
Выпьем, братцы, за Рубцова – настоящий был поэт!
Был бы бездарью – и ладно. Их, родимых, пруд пруди.
Угроздило ж с талантом жить, как с лампой в груди –
Жгла она зимой и летом, так, что Господи спаси!
А без этого поэтов не случилось на Руси.*

География стихов Игоря Царёва – размахом «в десять тысяч вёрст»: от Дальнего Востока, родного Хабаровска, заповедной

тайги, Уссури, Амура, Сунгари, скал Сикачи-Аляна – до Москвы.

В стихотворениях И. Царёва – масса подробностей, деталей, придающих особый вкус его текстам. Их смакуешь, в них хочется вчитываться, вглядываться, вслушиваться, замирать, обдумывать, а не пролистывать, прочитывать, просматривать – и спешить в суете дальше. Замрите, остановитесь, взгляните в амулеты – обереги от равнодушия, которые щедро дарит нам поэт:

*Скордуна водяного ореха, желтоглазый цветок горчака,
Оторочка оленьего меха и от старой гранаты чека...
Это лето на краешке света, где восход и бедов, и медов,
Нанизало свои амулеты на цепочку звериных следов.*

Такие тексты – это увлекательное чтение, настоящее, «правильное», если так можно выразиться. Стихи Игоря Царёва можно читать вслух, а можно – уютно устроившись в кресле или на диване, поджав под себя ноги, под пледом при свете торшера или настольной лампы, наслаждаясь словами.

Стихи Игоря Царёва вызывают море ассоциаций:

*Соболиная, бобровая, тигровая,
Комариная, суровая, кедровая,
Из оленьих жил земля дальневосточная.
Если кто-то там и жил, так это – точно я.*

Нам, дальневосточникам, понятны, как никому другому в России, эти две строки, нанизанные из одних прилагательных: «соболиная, бобровая, тигровая, комариная, суровая, кедровая». Эти слова – бусины наших чувств, они вне возраста, вне времени. Но читателя к таким текстам надо готовить. Наслаждение магией слова следует заслужить. Чтобы разгадать, ощутить эту магию, нужно знать предшественников и современников, учителей и соратников Игоря Царёва.

Замечательно, что в Хабаровске открылось Региональное Отделение Русского Литературного Клуба (РО РЛК) в Дальневосточном федеральном округе и его первым реальным делом стала Литературная гостиная, которая была открыта по инициативе учащихся школы №15 – школы, из стен которой вышли пять Героев – Героев Советского Союза, Героев России. Ведущей литературной гостиной, посвящённой памяти Игоря Царёва, была Пысина Галина Александровна, спецкор журнала «Аргументы времени», автор нескольких опубликованных сборников стихов.

В работе литературной гостиной приняли участие гости – хабаровские поэты, журналисты, краеведы, ветераны. Место проведения встречи было выбрано не случайно:

именно в этой школе начал когда-то свою учёбу в г. Хабаровске Игорь Царёв. В стенах его школы из уст юных Хранителей – старшеклассников звучали стихи поэта. С воспоминаниями о детстве и юности Игоря Царёва (Могила) выступила его мама, а в прошлом – учитель словесности этой школы Екатерина Семёновна Кириллова, а, значит, связь времён не обрывается, их сшивает Золотая Нить Памяти. Звучал (в записи) в литературной гостиной и голос самого Игоря Царёва – чуть насмешливый голос человека, который умеет не только сочинять что-то в тиши кабинета, но и петь под гитару, быть душой компании, шутить.

Память о поэте – его стихи, они должны звучать, потому

*Что в них – ни фальши, ни апломба,
Лишь сердца сорванная пломба
С неуспокоенной души...*

Игорь Царёв этого достоин. Нам всем предстоит ещё долго открывать и постигать его, мы только в самом начале этого пути, и это – замечательно!

Поэты- дальневосточники на службе Слову

(Опыт неформального обзора дальневосточной поэзии)

*Край мой любимый – с туманными далями,
С шумной тайгой, с болотными рясками...
Сколько бы разных земель не видали мы –
Нет тебя лучше, красивей и ласковей.*

Степан Смоляков

*Освободи мне сердце от любви,
И я забуду первую обиду,
Тебя простив, я в луг под солнцем выйду,
Освободи мне сердце от любви,*

Степан Смоляков

Не претендую на полный литературоведческий анализ современной дальневосточной поэзии, только ищу свою тропу в этой сказочной чаще, где есть корабельный строевой лес и есть подлесок, без которого чащи не бывает. Рядом – светлая лирическая роща женской поэзии... Я – путник, который зовет с собой в дорогу друзей...

Моя родина – Земля Хабаровская. Куда бы ни забрасывала меня судьба, я помню свои корни.

Помню и то, как нам, дальневосточным детям, хабаровчанам, читали стихи Петра Комарова:

*Пусть я удачу назову
Сегодня как-нибудь иначе,
Но сам я в городе удачи,
В родном Хабаровске живу.*

Дошколят и школьников водили в Детский парк имени Гайдара и показывали дом рядом с парком – это угол ул. К. Маркса и ул. Льва Толстого. На табличке, как и сегодня, была надпись: «В этом доме жил Пётр Комаров». И мы понимали, что поэзия – реальность: вот он, дом поэта. Потом детей катали на карусели или крутили им мультики в салоне настоящего старого самолёта, который стоял в Детском парке...

Вот так каждый юный хабаровчанин знакомился с поэтом Петром Комаровым и узнавал, что в Хабаровске жил и работал Аркадий Гайдар...

...Дома у меня отличная библиотека. Собирали её папа и бабушка. Книг стихов было много. Был и опальный ещё Есенин, и Ахматова. А папа, замечая мою тягу к поэзии, говорил, что хорошо пишет стихи Стёпа Смоляков. Степан Смоляков был родом из Георгиевки (район Лазо Хабаровского края), куда папа, родившийся в казачьей станице

Яблонежке на границе Казахстана, прибыл с переселенческим обозом в 20-е годы. Бегали они со Степаном мальчишками по одним и тем же улицам, а когда началась война, оба ушли из Хабаровска на фронт и оба вернулись. Папе нравилась «Стёпина лирика». Он купил мне книгу «Душа полна тобой», и я прочитала, ещё не очень понимая, «Освободи мне сердце от любви...».

...В сентябре 2017 года Павлу Халову, известному дальневосточному поэту и прозаику, исполнилось бы 85 лет, если бы... Я знаю несколько версий биографии Павла Халова. Одну – «из официальных источников»: «Павел Халов родился в 1932 году в Ленинграде. Работа его отца, военного инженера, была связана с частыми переездами. В годы Великой Отечественной войны семья Халовых жила в Уссурийске, затем в Хабаровске. Рано началась самостоятельная жизнь будущего писателя. Было трудное военное детство с побегами из дома на фронт, с беспризорщиной. А завершилось всё это детской трудовой воспитательной колонией в Амурской области. Там Павел окончил семилетку. Позже окончил среднюю школу, затем – военное училище. Несколько лет работал в уголовном розыске. Позже начал писать».

Другая история жизни Павла Халова развивалась на моей памяти: папа после войны продолжил служить, а когда органы внутренних дел стали «усиливать» офицерами-фронтовиками, его направили на оперативную работу в уголовный розыск. Сюда-то и пришёл на службу молодой Павел Халов. Недолгое время они работали вместе, потом Павел начал заниматься литературой. У нас хранится первая, маленькая книжка стихов Халова в твёрдом переплёте, которую он с автографом подарил папе. Потом они вместе строили какую-то лодку. Когда Халов уже писал «большую прозу», они с папой по вечерам чинили халовский «Москвич», на котором тот ездил с семьёй в Приморье – «за новыми сюжетами»... Третья «история о жизни писателя и поэта Павла Халова» нашла меня на работе – я выросла, стала лингвистом, преподавала в разных вузах и, в том числе, в ДВАГСе (ныне Дальневосточном институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ). На кафедре русского и иностранных языков встретилась я с замечательным человеком – Ниной Николаевной Халовой, женой Павла Халова. Она была прекрасной рассказчицей, смешно в лицах передавала, как хулиганистый Паша

высмотрел свою «Нинушу» в вечерней школе, как начал писать стихи...

Наверное, Хабаровск на берегу Амура – это город, располагающий к творчеству, поэтому не скудеет наша земля талантами. Ушли из жизни Виталий Захаров и Виктор Еращенко, но на их место в поэтическом строю встают новые поэты. Работают творческие мастерские литературной площадки «Амурия» при Краевой научной библиотеке, открываются ранее неизвестные имена.

Российский литературный журнал «Дальний Восток» знакомит нас с дальневосточной поэзией. Было бы неправильным считать, что поэты-дальневосточники – это строгое мужское братство.

Дальневосточные поэты – это союз творческих душ. Каждый хоть раз признался в любви к суровому таёжному краю и к городу на Амуре. Людмила Миланич – не исключение:

*И плеск амурских волн, и предков боль,
И земляки, открытые, как дети,
И это все, единственный на свете,
Хабаровск мой, я назову тобой.*

«Женское лицо» дальневосточной поэзии светло и привлекательно. Ирина Оркина украшает своими работами не только

выставочные залы страны, но и поэтические вечера.

Чрезвычайно разнообразны жанры современной дальневосточной поэзии и мощно звучат в этом хоре женские голоса. Своя сольная партия у Елены Добровенской: Положенная на музыку и прекрасно исполненная композиция «Сердце-колокол» Елены Добровенской, стоит того, чтобы её послушать <http://www.stihi.ru/2011/06/07/3911> (муз.и исп. Евгения Никитина):

Будто к матушке, припаду к траве

И услышу я колокольный звон,

Колокольный дождь, что в твоей Москве,

Отзовется в сердце, как тихий стон.

Композицию текста «сшивают» не только классические рифмы, но и микрообразы на рифменной вертикали – особое средство текстообразования. При обычной рифмовке строк образность «распределяется» линейно, выразительные средства – тропы (метафоры, олицетворения, сравнения и др.) возникают на горизонтали, например, олицетворение: «...Как пойдет по небу гулять гроза...». При возникновении же микрообраза на рифменной вертикали сравнение рождается в рифмующей паре: «...колокольный звон, ...как тихий стон». Прекрасный оксюморон (сопоставление взаимоисключающих действий: мольба –

«пощади» и призыв «вовсе не щади») последним аккордом завершает текст, передаёт состояние лирического героя:

Ты не подведи, пощади, звонарь...

Во всю мощь звони! Вовсе не щади!!!

Подобный приём создаёт «трёхмерность» текста, свидетельствует о поэтическом мастерстве автора.

Неустанно удивляет новизной тем и образов Ирина Батраченко – музыкант, поэт с абсолютным музыкальным слухом и честным чувством слова.

В журнале «Дальний Восток» публиковалась подборка стихов хабаровского журналиста Марины Семченко (Шафран).

Её стихи давно «бродят» на просторах интернета. Я познакомилась с Мариной во время передачи на радио «Восток России» о поэтах и поэзии. И сразу выбрала для себя её «диптих о доме»:

В доме должен быть кот.

В доме должен быть плед.

Древний бабушкин кустик алоэ.

И за плинтусом – вот! –

старый детский секрет.

И журналов стопа – про былое...

Согласитесь, в этих стихах ... уютно. Хочется в дом, где соседствуют «кот, плед, древний бабушкин кустик алоэ» и в старом

шкафу – связки писем, с хрупкими листами, мелко-мелко исписанными мамой... В этих стихах – жизнь, а не глянцевые картинки модных журналов. Автор подбирает очень точные слова, поэтому веришь всему, что написано, и эти строки, которые позволяют заглянуть в прошлое, побывать в гостях и вдохнуть запах кофе и яблок с корицей, хочется перечитывать вновь и вновь.

Дальневосточная поэзия принимает в свои ряды не только юных. Галина Пысина пришла в поэзию со строгой службы Закону. Понимая, что юридического образования для литературного творчества недостаточно, она в сентябре 2014 году поступила в Литературный институт имени А.М. Горького в Москве и в июне 2016 защитила выпускную квалификационную работу на Высших литературных курсах и получила диплом по программе «Литературное творчество». Фрагменты лирических текстов Галины Пысиной:

*Фонарь укрылся между лап
Сосны, взъерошенной снегами...*

*Покрова! На Россию сошли Покрова.
Вновь и вновь повторяю я эти слова.
Богородица нам подарила Покров
Из надежды и веры на дом наш и кров...*

Я не открою Америки, если ещё раз скажу: поэзия многомерна, её пространство — «четыре дэ». Дальневосточный авангард в новом и новейшем литературоведении и истории литературы активно отстаивали и отстаивают хабаровские поэты: Галя Ключ, Арт. Иванов, Марина Савченко. Они открыто стартовали в 1997. Тогда «хабаровская тройка» (Ключ, Арт. Иванов, Савченко) создали сборник верлибров «Человек взывающий» в поддержку фестиваля свободного стиха, который проходил в Москве в музее художника-авангардиста Вадима Сидура. Авторы доказали, что тайну искусства слова нельзя втиснуть в прокрустово ложе стандартной рифмы. Вот строки Марины Савченко из её перевода «Со звёздного на русский...». В них классическое чувство цвета, переливы смыслов слова:

*С некоторых пор
Я делаю переводы
Со звёздного на русский.
С серого – на голубой,
С синего – на бирюзовый,
Или цвета морской волны.*

Поэт Андрей Земсков, где бы ни жил, кровную связь с родным краем и городом не теряет. Он говорит читателю, что ему «выпала честь пожить» в Хабаровске. Вот его

поэтическое признание «городу Ха», сделанное в сентябре 2013:

*Между городом Ха и городом Ха –
Вся страна из льна и мха,
Из дощатых сараев и пьяных рож,
Из полей, где овёс да рожь.*

Стихотворение глубокое, «с горчинкой», с остротой небезразличных автору «не пейзажных» проблем Хабаровска. Здесь и попытка осмыслить, что происходит в стране:

*Я вчера был неправ, а сегодня прав,
Но едва ли я стал другим.
Сколько будут ещё нас хватать за рукав,
Сколько раз перепишут гимн?*

У текста интересное, неожиданное композиционное решение: имя собственное «Ха» (наименования городов «Хабаровск» и «Харьков») 8 раз использовано в тексте из 32 строк, а слово «Ха», написанное с заглавной буквы, встречается в тексте 9 раз. Это, бесспорно, композиционный стержень. Попробуем провести лингвистическое расследование истории этого «Ха».

Читатель, удивившись (если он не хабаровчанин) с первой строки такому названию города, постепенно вживается в текст, который проясняется топонимом «Уссурийский бульвар» (топонимы – названия улиц из древнегреческого – путь, дорога, улица, русло).

Соотнеся это название с гидронимом «Амур» (гидронимы – названия рек из древнегреческого – вода) уж и самый недогадливый читатель, воскликнет про себя (а то и вслух!): «Так это же он о Хабаровске!». Однако кольцевую композицию текста замыкает совсем иное «Ха»:

Остаётся в ответ на причуды судьбы

Усмехаться тихонько: «Ха!»

Так вот в чём дело! Последним словом текста стало междометие «ха». Автор использовал омоформы – слова разных частей речи, совпавшие в одной форме. Хорошие стихи – это те, которые читать не скучно и хочется перечитывать, всякий раз открывая в тексте что-то новое.

В кимберлитовой трубке дальневосточной поэзии много талантов – алмазная россыпь. Настоящий искатель, старатель, добытчик, а попросту – внимательный читатель обнаружит там и замечательный многокаратный алмаз, получивший имя собственное и после огранки ставший бриллиантом – Игорь Царёв! В журнале «Дальний Восток» печатались и подборки, сделанные самим Игорем Царёвым (Могилой), и стихи, опубликованные уже после его смерти – в осеннем номере 2013 года, и присланные женой поэта Ириной Царёвой позже. И, конечно, нельзя не заметить стихотворение Игоря «Город Ха»:

*Гроза над Становым хребтом
В шаманские грохочет бубны,
И парходик однотрубный,
Взбивая сумерки винтом,
Бежит подальше от греха
К причалу, пахнущему тесом,
Туда, где дремлет над утесом
Благословенный город «Ха».*

В жизни Игоря Царёва были города-судьбы, один из них – Хабаровск. Здесь он начал писать стихи, которые и сегодня наизусть читают его одноклассники, здесь учился, писал сочинение о будущем Хабаровска. Здесь он рисовал утёс, над которым «дремлет Благословенный город «Ха»...

Здесь, в городе «Ха», о котором писал их сын, и сегодня живут родители Игоря Царёва – настоящие русские интеллигенты – Екатерина Семеновна Кириллова и Вадим Петрович Могила. Здесь на стене школы, где учился поэт, в 2016 появилась в память о нём мемориальная доска.

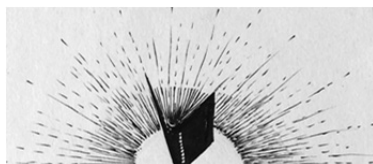
Ключевая фраза текста – «И до сих пор сквозь все пределы/ Я этим городом ведом...» наверняка заслуживает того, чтобы стать эпиграфом тысяч школьных сочинений.

Помните? Это я обращаюсь к тем, кто 1 июня 19... «не важно, какого года» писал утром школьное сочинение... Мы все держали в

памяти, а кто-то – на шпаргалке, эпиграфы. За хороший эпиграф, написанный без фактических и иных ошибок, с указанием имени автора, добавляли балл! Короче, обращаюсь к «доегэшним» читателям. У нас в головах был обязательный запас четверостиший на темы войны, труда, природы, морально-нравственных норм. Вот такой, например: «Медаль за бой, медаль за труд/ Из одного металла льют», «Гвозди б делать из этих людей/ – Крепче б не было в мире гвоздей»... Сочинения возвращаются в школьную жизнь, главное их «не загуглить», не занудить, не формализовать.

Думаю, пора посмотреть на современную дальневосточную поэзию как на источник вдохновения. Как пишут литературоведы, юного Пушкина воодушевляли не только строки Горация и Державина, но и стихи, романсы прочно нами забытых и канувших в Лету поэтов XIX века.

Сегодня уже бесспорно, что удел части текстов дальневосточных поэтов – войти в фонд классической поэзии XXI века.

**«Хотят ли русские войны?»
(Рецензия на повесть Сергея Германа
«Контрабасы, или Дикие гуси войны»)**

Каждый автор идёт к правде своим путём. Не всегда это «дорога торная»...

Я начала читать в первом номере журнала «Дальний Восток» за 2017-й год повесть Сергея Германа «Контрабасы, или Дикие гуси войны», и поняла, что обязательно напишу об этом произведении.

...Вспоминались фрагменты старой рецензии Максима Горького на роман Анри Барбюса «Огонь». Всё-таки качественно готовили учителей в старом добром Пединституте: никто бы не рискнул прийти на экзамен по «зарубежке» к Илье Наумовичу Лерману, фронтовику, бывшему военному переводчику, не прочитав немецкую литературу и критику к ней...

...Между романом Анри Барбюса «Огонь» и повестью Сергея Германа «Контрабасы, или Дикие гуси войны» – ровно сто лет.

Нашла рецензию, перечитала и поняла: не зря. «Барбюс написал будни войны, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем не повинных людей, – не повинных ни в чем, кроме глупости», – это А. М. Горький. «В этой книге, простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, истребляют друг друга, разрушают вековые плоды своего каторжного и великолепного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая дотла города, деревни, виноградники...», – это опять Горький о романе времён Первой мировой.

Как будто сегодня написано...

Лирический герой Сергея Германа, как и сам Барбюс, идёт на войну не по призыву. Он – контрактник, или, как написано в первом абзаце повести, «контрабас»: «Дикие гуси» – так в средневековые именовали ирландских солдат, отправлявшихся воевать на чужбине. Российских солдат-контрактников, воевавших в Чечне, называют «контрабасами». Наверное, потому, что слова «контракт» и «контрабас» созвучны».

Вот так, незатейливо толкуя название, начинает свою повесть Сергей Герман, и уже от неё не оторваться. Веришь автору и его герою с первой строчки до последней. Понимаешь: это

настоящее. Живёшь пронзительной историей «контрабаса» Лёши Майора, или Алексея Майера. Типичной в общем-то историей двух последних российских десятилетий.

Это настоящая мужская проза с неотредактированными жёсткими, а иногда жестокими солдатскими словечками, с жаргоном последних «локальных войн», с грубыми, порой физиологическими подробностями. Но ничего в этом правдивом повествовании менять не хочется, да и незачем: «всяко лыко в строку».

Документальность и достоверность придают тексту подробности: военная лексика, номера воинских подразделений, имена собственные и биографии тех, о ком рассказывает главный герой: «...через пару недель я уже был на базе 135-го мотострелкового полка, где формировались и проходили боевое слаживание контрактные роты. Из моего города здесь человек пятнадцать, многих я знаю. У Рашида Шарипова в прошлом – Афган, он входил туда в декабре семьдесят девятого, с мусульманским батальоном. Андрей Шашорин воевал в Осетии, Митя Першин в первую войну попал в мясорубку под Орехово с Ермоловским батальоном» («Как я стал «контрабасом»).

Сергей Герман отлично знает «фактуру» первой и второй чеченских войн.

Подробности, в том числе жуткие и экзотические, которых не найдёшь в литературе, наполняют повесть: «...Першинг с бойцами за ноги тянут трупы двух мужчин. У одного из них выбритая голова и борода. Брюки заправлены в носки. Прибный разрезает на нём штаны, нижнего белья нет. Без трусов – значит, ваххабит» («Зачистка»).

«Местное чеченское кладбище сразу привлекает внимание отсутствием оград между могилами и лесом высоченных, в три метра, пик или металлических шестов. На концах некоторых – полумесяцы, флажки, флюгеры с чашечками, вращающимися на ветру.

Нам уже разъяснили, что так отмечают могилы тех, кто убит в бою. Если воин не отомщён – его пика смотрит в небо пустым остриём, у отомщённых на острие появляется полумесяц» («Кладбище»).

Эти подробности, привлекающие внимание читателя, приводятся не для

удовлетворения любопытства, их функция гораздо важнее: Сергей Герман подчёркивает разницу культур, не стёртую веками, описывает проблему человеческой памяти и памяти народа, страшные подробности войны. Автор заставляет задуматься, кому и зачем в двадцать первом веке нужна война. И нужна ли она? Об этом говорят и мрачно шутят участники событий. Очень лаконично, зачастую – откровенно грубо, по-солдатски.

У читателя создаётся ощущение, что автор написал сразу – резко и набело. Как в незабываемом стихотворении Анны Ахматовой «Творчество (1936г):

...И просто продиктованные строчки

Ложатся в белоснежную тетрадь.

Однако, полагаю, за этой кажущейся простотой – большая работа мастера. Попробую аргументировать это предположение.

Журнальный объём повести Сергея Германа «Контрабасы, или Дикie гуси войны» невелик: 40 страниц. Текст чётко структурирован и хорошо организован системой заглавий частей, напоминает дневниковые записи главного героя.

Кроме Пролога и десятистрочного прозаического эпилога, приправленного двумя четверостишиями, в повести ещё 19 частей-главок: «Как я стал «контрабасом»»; «Чечня»;

«Позывной»; «Чехи»; «Мирное село»; «Бой с теньями»; «Зачистка»; «Кладбище»; «Домой»; «Гуманитарка»; «День рождения»; «Награда»; «Олег»; «Клок»; «Чеченец»; «Ухо»; «Следователь»; «Расстрел»; «В кафе». В среднем каждая – не больше 2-х страниц. И этого вполне достаточно, чтобы передать беспощадную правду затяжной войны в Чечне.

«Дневниковость», как особенность жанра, предполагает лирические отступления. Лейтмотивом мирной жизни главного героя являются его мысли о дочери, о разрыве с женой. В самые тяжёлые моменты он думает о дочери, и читатель верит в его любовь, хотя этого слова в повести нет. Психологический портрет героя в минуты опасности почти графически прорисовывается автором через мысли о «Машке», так Алексей называет дочь:

«Странно, но я не боюсь подрыва, я боюсь одиночества. Зачем она забрала Машку?» («Чечня»).

«Это была самая настоящая война... Понимание этого сводило с ума, и лишь воспоминания о прошлой жизни, о дочери терзали мою душу, будоража простые чувства, забитые ежедневной тоскливой суетой.

Точно такой же ковёр висел в детской у Машки. Я заплатил за него пять тысяч. Или семь?

На душе почему-то муторно» («Чечня»).

«Я, не раздеваясь, падаю на кровать, Автомат ставлю рядом с кроватью. Закрываю глаза и представляю, что держу в руке тёплую Машкину ладошку. Медленно, но неотвратно проваливаюсь в сладкую нирвану» («Бой с теньями»).

«Окна моей квартиры темны. Тёмный подъезд, неистребимый запах кошек... Я открываю дверь своим ключом. В коридоре и комнате всё, как всегда. С шумом качается маятник часов, в углу таращит глаза сказочный гном, которого я привёз Машке из Польши. Только со стены исчезли Машкины фотографии, игрушки, одежда.

Она ушла и забрала мою дочь. Мою дочь...» («Домой»).

«Странная вещь – человеческая психика. Иногда в моменты наивысшего напряжения тебя может просто заикнуть на какой-нибудь мысли. Память цепляется за то, что в обычной жизни промелькнуло секундным эпизодом... Я же не купил Машке...» («Расстрел»).

Короткие заметки, связанные мыслями главного героя о дочери, позволяют читателю лучше понять его. За «безбашенностью» контрактика-«контрабаса» – ранимая душа, настоящая трагедия любящего отца, глубокие переживания. Многослойность, объёмность

образа главного героя повести подчёркнута экскурсами в историю кавказских войн, отсылкой к «Кавказскому пленнику» Л.Н. Толстого, обращением к истории Гражданской войны («Мирное село»).

Замечательно семантически объединены финал главки «В кафе» и Эпилог.

Позволю себе процитировать эти части:

«Уже глубокой ночью я стоял на перроне вокзала родного города. Ветер гнал по грязному асфальту бумажные листы с изображённой на них короной и надписью «Imperia Furs».

Мне показалось, что в свете фонарей скомканные листы бумаги похожи на багряные лужи крови.

На цвет нынешней России.

Ровно через месяц мне пришло письмо, что ребята подорвались на фугасе.

Вот и всё.

С тех пор я часто задаю себе вопрос: зачем?

Ни тогда, ни сейчас я не могу на него ответить.

Мне ясно только одно: Чечня – это надолго. Для чеченца – русский всегда был и будет врагом. Или, в лучшем случае, источником наживы. Сильному они покорялись, слабого презирали...

ЭПИЛОГ

...Серое чеченское небо, липкая рыжая грязь и кровь. Я ненавижу свои руки, себя, весь народ, допустивший возможность безнаказанно УБИВАТЬ. Я чувствую всем существом, что в такой стране у меня места нет. Я хочу вырваться из этого кровавого человеческого месива в какую-нибудь беззвучную тишину, в бесшумные поля, в тихие леса, на необитаемый остров...

Но я знаю твёрдо, что уже никуда не вырвусь. Моё прошлое навсегда останется со мной...».

В этих последних строках повести заключён её отрезвляющий антивоенный пафос, разрушающий все рассуждения о романтике войны в «горячих точках». Здесь и автобиографичность, и антивоенная тема, выстраданная автором «Контрабасов, или Диких гусей войны».

У каждого из читателей после прочтения повести будет своё мнение об описанных в ней событиях, не всегда совпадающее с мнением автора. Кого-то эта правда главного героя повести, очевидца-контрактника шокирует, у кого-то вызовет желание возразить. Так и должно быть. Если произведение вызывает споры — автор достиг поставленной цели,

заставил нас думать о проблеме, которая его волнует.

Думаю, такие честные, глубокие, добротные произведения, как повесть Сергея Германа, заслуживают внимательного отношения и ждут своих будущих критиков и новых читателей.

Повесть Сергея Германа «Контрабасы, или Дикie гуси войны» достойна номинаций литературных премий XXI века.

Раздел 3 Стихи

Отцу-фронтовику

Отец курил как все фронтовики,
А я ему вертела «козью ножку»,
Затягивалась тоже, «понарошку» –
Вернуть бы эти давние деньки...

Мы на рыбалке, жарко, комарьё,
На спиннинге сторожкий колокольчик,
Вот детство беззаботное моё
Смотрю на фото. Вспоминаю молча.

Сегодня папе столько бы сказать
Прижаться лбом к щеке его колючей.
...На мраморе портрет, не самый лучший,
А лучшего сегодня негде взять...
07.12.2014

Игорю Царёву

Завораживают, закручивают
И уводят куда-то, маня,
Поэтические эти кручи
Не одну, не одну меня...
Околдованы словом Игоря
К восхождению готовы полки
От Гродеково до Билибина
И до станции Петушки...
Эх, нельзя объять необъятное,
Но набатом опять звучит
Повторённое, многократное:
«Настоящий поэт – не молчит!»
И опять над страной чёрны вороны
Кружат, каркая: «Беспредел!»
Он писал, как нас тащит в сторону...
Он тогда как в воду глядел!
Ноябрь 2014

**В прошлой жизни на Волочаевской*,
где не гаснут всю ночь фонари...**

В общей кухне на Волочаевской,
На белёной извёсткой стенке,
Я любила смотреть «о чапаевцах»,
На отцовской сидя коленке...

Напевал сосед дядя Коля
Как «...дивизия шла вперёд»,
Ну, а сын его с тётей Полей –
Про «Приморье – белый оплот».

В темноте фильмоскоп поскрипывал,
Мы просили: «Ещё, ещё!»
От волнения кто-то всхлипывал,
Глядя папе через плечо...

...Не в стогу искали иголки –
На Июнь-Корань** шли в музей,
Собирали гильзы, осколки –
Память тех легендарных дней...

Годы шли... Волочаевка первая***,
Как и Сопка, быльём поросла...
И где красная сила, где белая –
Бог рассудит. Такие дела...

Но осталась песня, как сказка,

Про отважные эскадроны,
Про бессонные ночи Спасска
И про славные их знамёна...

** Улица Волочаевская в центре г. Хабаровска, где прошло детство автора.*

*** Сопка Июнь-Корань – место Волочевской битвы 12 февраля 1922 г.*

**** Волочаевка-1 – ж/д станция и посёлок, рядом с которым произошли Волочаевские события: бой между белогвардейцами и Народной революционной армией Дальневосточной республики.*

Перечень литературных и научных работ

«Литературная норма и черты идиостиля М. Цветаевой», статья в сб. Становление и развитие норм русского языка XVII – XX веков. – Хабаровск: ХГПИ, 1986. – 13 с.

«Лексический повтор как композиционный приём в поэтическом цикле А. Блока «Снежная маска»». – статья в сб. Язык и композиция художественного текста. - М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. – 11 с.

«Словообразовательные общности в поэтическом тексте (на материале поэзии М. Цветаевой)». – сб. Актуальные проблемы русского словообразования: тезисы V республиканской научно-теоретической конференции. – Самарканд, 1987. – 4 с.

«Повтор как фактор композиции в лирическом цикле М. Цветаевой». – статья в сб. Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1987. – 6 с.

«Функции образов-символов в ранних стихотворениях Н. Гумилёва («Баллада», «Русалка»)». – статья. В сб. Процессуальный и содержательный аспекты образования. Материалы 4-й научно-практической межвузовской региональной конференции. Ч. 2. - Биробиджан: БГПИ, 1990. – 4 с.

«Л.А. Новиков. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого». – журнал «Русская речь», №4, 1991.

«Тайнопись в поэтическом цикле М. Цветаевой «Марина»» – тезисы в сб. Педагогический процесс в условиях перехода к новому состоянию общества. – Биробиджан: БГПИ, 1991. – 3 с.

«Н. Гумилёв и Вс. Ник. Иванов (к постановке проблемы)». – Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «Вс. Ник. Иванов и культура России». – Хабаровск: ХГПУ, 1993. – 3 с.

«Дьяволиада» в поэзии Н. Гумилёва». – сб. Материалы 41-й итоговой научной конференции. – Ч.3. – Хабаровск: ХГПУ, 1995. – 3 с.

Средства образности в поэзии Н.Гумилёва. – Материалы II Межвузовской научной конференции «Русский язык, культура, история» – М.: МПГУ, 1996.– 4с.

Полифония языков и культур как средство текстообразования в стихотворении Н. Гумилёва «Сада-Якко» (1907)» (в соавторстве с Е. Сергеевой). – Сборник научных трудов. – М.: МГУ, 1999. – 8 с.

Доминантные смыслы концептуальной системы Н. Гумилёва, представленные в стихотворении «У меня не живут цветы...». – статья в Межвузовском сборнике научных трудов. – Хабаровск: ХГПУ, 2000. – 8 с.

Язык сказок В.И. Даля //Памяти В.И. Даля: Материалы Международной научной конференции: Хабаровск, ХГПУ, 2002 г./Науч. ред. Л.Ф. Крапивник, В.Г. Мехтиев. – Хабаровск, 2002. – 138 с.

Японские реалии в стихотворении Н. Гумилёва «Сада-Якко»». – Статья в сб. «Интеграция науки и образования – основа развития и возрождения национально-регионального менталитета:

Международная научно-практическая конференция». – Биробиджан: БГПИ, 13-14 мая 2004. – 5 с.

Лингвистическая экспертиза текстов экстремистской направленности: проблемы теории и практики назначения и производства, статья, журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке», №2 (71), 2015, С.160-166.

Сложные случаи производства лингвистической экспертизы в делах по ст.152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», статья, журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке», №3 (72), 2015, С.125-129.

«Индивидуальность поэтического стиля Игоря Царева: текстологический анализ», литературная критика, статья, Российский литературный журнал «Дальний Восток», №1, 2015, С.169-175.

Стихи Е. Крадожён-Мазурова, Сборник стихов, лауреаты конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царева (2014), РОО – ЛОО «Изба-Читальня», 2015, С.278-279.

Оружие интеллектуальной экспансии. Статья, Российский литературный журнал «Дальний Восток», №2, 2016, С.231-235.

Легче писать о мёртвом поэте?! Рефрен-эпифора «...ещё живой» в стихотворении и творчестве Сергея Сутулова-Катеринича. Статья, Российский литературный журнал «Дальний Восток», №2, 2017, С. 208-214.

Мой Георгий Пермяков. Статья, Российский литературный журнал «Дальний Восток», №5, 2017, С. 167-171.

Юрий Викторович Подлипчук. Российский литературный журнал «Дальний Восток», №6, 2017, С. 205-206.

О включении текстов «молодой классики» в школьную программу по литературе: Игорь Царёв (Могила). Хрестоматия по Дальневосточной литературе». – Научно-методические идеи Н.М. Шанского в контексте современного филологического образования// Материалы международной научно-практической конференции/Под общей редакцией О.М. Александровой, И.Н. Добротиной. Сборник трудов конференции. – М.: Институт стратегии развития образования РАО, 2017 – С. 122-128.РИНЦ

Река Поэзии Капитана Игоря Царёва. Статья, Российский литературный журнал «Дальний Восток», №5, 2018, С. 188-194.

Региональные литературно-художественные произведения как источник изучения современного русского языка в вузе и в школе// сборник научных статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции «Экономика, управление, общество: история и современность». – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. – С. 312-319

Журнал «Дальний Восток» и литература стран АТР// Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX – XXI вв: материалы IV Международной научно-практической конференции «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.» (к 130-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова) (Хабаровск, 21–22 ноября

2018 г.) / [отв. ред. Л. В. Чередниченко]. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. – С.5-10.

Сплетение судеб. Н. Гумилёв и Сада Якко. Статья, Российский литературный журнал «Дальний Восток», №4, 2019, С. 212-216.

Лингвистическая экспертиза по вопросу защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Актуальные проблемы науки и практики [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Электрон. науч. изд. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России – Вып. 5. – 2020. – Режим доступа к вып.:

https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/012/627/311/Aktualnye_problemy_nauki_i_praktiki_ENI_Sbornik_nauchnykh_trudov_5.pdf. – ISBN 978-5-9753-0288-5. – С. 231-237.

Лингвистическая экспертиза по вопросу защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Актуальные проблемы науки и практики [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Электрон. науч. изд. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России - Вып. 5. – 2020. – Режим доступа к

вып.:https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/012/627/311/Aktualnye_problemy_nauki_i_praktiki_ENI_Sbornik_nauchnykh_trudov_5.pdf. – ISBN 978-5-9753-0288-5. – С. 231-237.

«Анализ текстов региональной художественной литературы в практике подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации» //Актуальные проблемы

современного образования: от общего к **частному**: сборник материалов V Регионального научно-методического семинара. – Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. – С. 91-98.

Проведение ежегодных Царёвских чтений – источник формирования воспитательных традиций в вузе. // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. - Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. – С. 482-485.

Крадожён-Мазурова, Е.М. Избранные статьи. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Спутник +», 2019. – 100 с.

Зарегистрирована на порталах; «Стихи-ру», «Проза-ру».

Литературоведческие статьи и эссе опубликованы на портале «Стихи-ру» на страничке «Дальневосточники», на сайте «Хабаровского РО РСП».

Библиографические пояснения

К разделу I

«Бабушка», очерк

Очерк опубликован в альманахах Притяжение-ДВ, «Ритмы жизни», представлен на Конкурс литературных работ (2019).

«Мой Георгий Пермяков»

Мемуары опубликованы в журнале «Дальний Восток», в альманахе «Притяжение-ДВ». Создано несколько вариантов текста.

[1] Георгий Георгиевич Пермяков (24 ноября (7 декабря) 1917 — 9 декабря 2005) — русский советский прозаик, краевед, востоковед (синолог), переводчик с китайского и японского языков, переводчик последнего китайского императора Айсингёро Пу И (находившегося в советском плену с 1945 по 1950 годы) (Материал из Википедии — свободной энциклопедии).

«Три тайны последнего императора Китая ПУ И», *историческое исследование. Опубликовано в альманахе «Притяжение –ДВ» №1(4)-2018, стр.205-211. Создано несколько вариантов текста.*

«Юрий Викторович Подлипчук», очерк, публикуется впервые

«Кинжал и кортик», конкурсная работа, номинация Проза (Конкурс имени К.Симонова (2018). Публикуется впервые.

«Волонтёрскому братству нашему навсегда буду верной я...», очерк, публикуется впервые.

«Такой манящий, маленький в океане остров... Наш Шикотан», мемуары, публикуется впервые.

Содержание	
Предисловие	3
<i>Раздел 1 Воспоминания и история</i>	4
Бабушка, очерк	
Мой Георгий Пермяков	17
Три тайны последнего императора Китая ПУ И	23
Кинжал и кортик	31
Юрий Викторович Подлипчук, очерк	36
Волонтёрскому братству нашему навсегда буду верной я...	41
Такой манящий, маленький в океане остров...	52
Наш Шикотан	
«Про такую любовь пусть снимают картины и пускают в кино до шестнадцати лет...»	71
<i>Раздел 2 Литературоведческие работы</i>	
Раздумья о стихах Игоря Царева	85
Поэты- дальневосточники на службе Слову	96
«Хотят ли русские войны?» (Рецензия на повесть Сергея Германа	109
«Контрабасы, или Дикие гуси войны»)	
<i>Раздел 3 Стихи</i>	
Отцу-фронтовику	119
Игорю Царёву	120
В прошлой жизни на Волочаевской, где не гаснут всю ночь фонари...	121
Перечень литературных и научных работ	123
Библиографические пояснения	128

Уважаемые читатели!

**Издательство «Спутник+»
предлагает:**

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Крадожён-Мазурова Елена Михайловна

«ОБКУКУЕТСЯ КУКУШКА НАШИ РАДОСТИ СЧИТАТЬ...»

Художник-иллюстратор: Н. Суркова
Верстка: Г.Пысина

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
Подписано в печать 16.02.2021. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,31. Тираж 100 экз. Заказ 38.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»